

Владимир Поселягин

КОРЕЙСКИЙ ВАРИАНТ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

Корейский вариант

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В.

Корейский вариант / В. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112386-4

Если в основе твоей жизни стоит ненависть, если после чудовищных пыток и издевательств ты получил шанс на новую жизнь, то объектам претензий можно только посочувствовать. Именно таким человеком и был ветеран Великой Отечественной войны Фёдор Палкин, и счетов к одной звёздно-полосатой нации у него было презрительно. Итак, Корея, 1949 год и скоро война.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112386-4

© Поселягин В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Владимир Поселягин

Вечный: Корейский вариант

© Владимир Поселягин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Глухо застонав, я пошевелился и сел. Первое, что я услышал, очнувшись, весёлые трели пичуги, но почти сразу на меня обрушилось ещё одно, то, что смогло поразить, несмотря на моё не самое лучшее состояние. Болело всё, особенно голова. А поразило меня солнышко, что прогревало даже сквозь одежду, а одежда на мне вроде была, что-то такое ощущалось, а также запах, и главное, тактильное ощущение травы под руками. С учётом того что я просидел в тюрьме порядка двадцати четырёх лет, это было впервые, когда я чувствовал и ощущал траву. Снова на расстрел вывели? Хм, странно, когда был у литовцев, меня обычно расстреливали во внутреннем дворике. Причём не холостыми, боевыми палили, только стреляли мимо, чтобы каменная крошка била по мне. Литовская тюрьма не самое сладкое место. Оккупант я для них, что тут ещё скажешь? Сейчас же я на американской базе был, там расстрелами не баловались, бока намять, стресс снять, это одно, но не такими способами развлекаться. Хотя по развлечению и издевательствам над пленными американцы всё же впереди планеты всей. Ещё бы, потомки бандитов, шлюх, насильников, галерников и воров всех мастей. Кого свозили в Новый Свет, как раньше называли Америку? Их и свозили, и они стали костью народа Северной Америки. Уничтожение коренного населения их работа. По-другому те не умеют и продолжают так же действовать. Теперь остальные народы и расплачиваются за действия этих потомков преступников.

Откуда-то со стороны послышались восклицания, всё это под мощный рёв движка, что заметно удалялся, поэтому я постарался побыстрее прийти в себя. Русские не сдаются, и эти сволочи ещё убедятся в этом. Пусть знают, как иметь дело с советским офицером, пусть и бывшим. Открыв один глаз, второй был чем-то заляпан, я провёл ладонью по голове, краем сознания подивившись, что нет, как обычно, наручников, их всегда надевали, когда выводили из моей камеры-одиночки, и посмотрел на кровь на ладони. На голове была рана, но не это поразило меня, а то, что рука была не восьмидесятилетнего старика, приближающегося к девяностолетнему юбилею, а чужая. Пока не скажу чья, но не моя точно. Молодая рука, хотя и изрядно грязная, с чёрной окантовкой под длинными нестриженными ногтями. Приплыли. Однако это не помешало мне испытать радость, да я был счастлив, сбежал, ушёл от врагов, как не радоваться?

Тут голоса, что до этого звучали в отдалении, прозвучали совсем рядом, и меня, подхватив под локти, подняли на ноги, что позволило мне осмотреться, при этом проводя языком по зубам. С учётом того что у меня зубов совсем не было – какие выбили, какие сами выпали, вставную челюсть давно отобрали, а кормили сухарями, сволочи, – я только довольно скалился. Все зубы были на месте, вполне ровный частокор, ни одного просвета. В общем, что именно произошло, я начал догадываться, но об этом позже. Самое интересное, меня окружали... чурки. Все, кто не русские, для меня теперь назывались так – литовские чурки, американские... После двадцати четырёх лет в застенках любой станет закоренелым националистом. Хотя тут тоже дело сложное, но это не стирало мою память, и я всё-ё-ё помнил. При этом если зуб на литовцев у меня имелся, то не такой, как на гнид американских, которым меня передали четыре года назад. А что, я уже десять лет как был официально мёртв и даже похоронен, конвоиры и охранники глумились, с наслаждением об этом мне говоря, так что

раз я всё равно мёртв, то отчего и не отдать меня американцам на их базу на опыты? Вот и отдали. Хм, а может, те опыты и сказались с этим моим перемещением? Если вспомнить, что мне удалось пережить за эти годы, удивления с перемещением моей души в чужое тело у меня не было нисколько. Это знак, это то, что позволит мне нести Кару.

Так вот, те, кто меня окружал, были одеты до неприличия бедно и рвано, и были они... да корейцами, и самое главное, я их отлично понимал, как будто этот язык мне был родной. И тут на меня обрушились знания, знания того парня, в тело которого я попал. Объём оказался для неподготовленного меня излишне большим, и я просто потерял сознание, обвиснув на руках тех, кто меня придерживал. И да, я вспомнил, что произошло, вся память бывшего хозяина этого тела стала мне доступна.

* * *

Очнулся я ночью, всё так же на природе, лежал на какой-то материи неподалёку от костра, что подогревал мне бок. Вокруг сидели в основном те же люди, коих я видел при первом осознании, где оказался и что тело чужое. Проведя языком по зубам, я криво ухмыльнулся. Есть бог на свете, точно скажу. Очень хотелось пить, поэтому я пошевелился, осознанно, чтобы привлечь внимание, и попросил пить. На корейском, при этом знание русского, литовского и английского у меня по-прежнему сохранилось. Конвоиры, суки, только на своих варварских языках говорили, вот и удалось со скуки выучить два языка, английский и литовский. Последние два с лёгким акцентом. Нужно лишь проверить вслух, по крайней мере мысленно выстраивать фразы получалось. Да что это, я и мыслил по привычке на русском.

Просьбу мою удовлетворили сразу. Слегка приподняли голову и дали напиток из ложки. Судя по вкусу, кипячёная, ещё тёплая вода. В Корее проблемы с чистой водой, отчего и приходится её разбавлять специями при приготовлении блюд, воду предпочитают кипятить, сырую пьют очень редко и только из проверенных источников. Видимо, рядом или колодец был, или родник. Скорее всего, второе, я слышал журчание неподалёку, но едва слышно, на грани слуха. Жадно выпив всю воду, я с облегчением откинулся на лежанку, под головой у меня что-то было, и вздохнул. Всё тело покрылось потом от этих движений, но я был доволен, главное жив, а остальное приложится. Сам я вообще атеистом был, коммунистом, пусть сдержанным, не оголтелым, встречались и такие, но всё же коммунистом, а сейчас мысленно забормотал молитву. Ну как молитву, её же ещё и знать нужно, так, обрывки, услышанные от покойной супруги, да что фантазия давала, благодаря Бога за данный мне шанс, и пусть поверит, уж я его не упущу. Слишком много у меня долгов собралось, стоило бы вернуть. Причём литовцы были не на первом месте. На втором или третьем точно, на первом американцы, эти гниды мне за четыре года мучений, которые я пережил по-настоящему чудом, своей волей и ненавистью, ответят за всё. И я не говорю про их правительство, это не оно ставило мне уколы, делало операции по живому и изгалялись в своих медицинских лабораториях. Это их молодые парни из охраны развлекались, избивая меня или издеваясь, вот их и буду убивать. И я даже знаю, как. А теперь можно описать и то, что я получил из знаний своего нового тела.

Для начала, звали паренька Пак Мун Хо, и было ему всего пятнадцать лет от роду. Приятно, конечно, но если вспомнить, что сейчас весна тысяча девятьсот сорок девятого года и я нахожусь в Корее, то можно поучаствовать в этой войне. На какой стороне, я даже и не думал, естественно на Северной, ведь американцы в составе войск ООН будут воевать за Южную Корею. Тут была лишь одна небольшая проблемка. В данный момент я находился на территории Южной Кореи и вроде как являлся её гражданином, пусть и несовершеннолетним. И согласно воспоминаниям Муна, шёл тот к портовому городу Пусан, до которого оставалось несколько километров, так что не дошёл тот не так и много. А причина получения травмы была банальна, кстати, пока я лежал и раздумывал, мои спасители и пояснили, что они видели,

хотя воспоминания Муна мне и так были доступны. Тот шёл по обочине дороге, сзади нагонял тяжёлый американский грузовик с водителем одной из местных американских частей, которые как раз покидали Корею. Америка выводила свои войска из Южной Кореи. Почувствовав опасность, Мун прыгнул с обочины и покатился с обрыва, где его голова и повстречалась с камнем, это было единственное повреждение, не считая множества синяков, грузовик его не задел. А вот то, что чуйка была права, подтвердили другие свидетели, водитель специально вильнул на обочину, чтобы задеть Муна. К сожалению, это хоть и редкость, но случается. Кто считает бедняков, а Мун, как ни крути, не только круглый сирота, но и бродяга. Однако всё же лучше начать сначала, описывая жизненный путь Муна. Тут мне дали поесть, немного риса с рыбой, пища острая, и пока было время, я размышлял, прокручивая в памяти недавно появившиеся воспоминания совсем другого человека, а теперь уже ставшие родными, всё же я занял его тело. Непонятно только, куда делась личность настоящего Муна, но её не было, кроме воспоминаний никаких намёков. После некоторых размышлений, я решил, что тот умер, или покинул тело, когда моя душа вытеснила его. Как-то другого объяснения на ум не приходило.

По поводу же Муна, то вся его жизнь может уложиться в пару строчек, но я постараюсь всё же более обширно описать, кто он и как стал бродягой, чтобы можно было понять всю глубину трагедии, произошедшей с ним. Для начала, семья паренька была не так и проста, всё же не в самое худшее тело меня подселили, что не могло не радовать. До тринадцати лет Мун жил вполне благополучно в пригороде Сеула, у него были родители и даже сестра. Отец служил в полиции, какой-то не самый малый чин, чуть ли не майором был, и в череде политических интриг с рядом других чиновников был объявлен предателем, приверженцем идеалов коммунизма, хотя тот даже сочувствующим не был. На самом же деле всё было по-другому. Тут всё решали клановые группировки, и клан, в котором состоял отец, попал под удар, вот их так и убрали, с концами, можно сказать. Захоронили в той же канаве, где и остальных расстрелянных, но где, Мун не знал, успел убежать с сестрой из дома, отец предупредил, встав на дороге у противника. Сестра долго не прожила, банальный аппендицит, который без быстрого медицинского вмешательства и привёл её к гибели. Так Мун и остался один. Что примечательно, отец Муна был мастером борьбы тхэквондо и учил детей с момента, как они начали ходить, он даже вёл небольшой кружок для молодёжи, поэтому в среде молодых корейцев имел заметную популярность. Видимо, по этой причине его и предупредили, да вот только слишком поздно. Сам Мун эту борьбу не забросил, учился яростно и иступленно. Два года бродяжничал, зачастую ел впроголодь, зимовал на шахтах. Таскал там корзины с углём, что помогло хорошо укрепить ноги и спину, так как тот всё делал правильно, по науке, организм не изнашивал, как говорится. Да и работал не за плату, а за еду, довольно сытную, надо признать, и за койку в тёплом бараке, что ему позволяло перезимовать. Многие так делали.

В данный момент Мун двигался к Пусану с планами завербоваться на одну из рыболовных лодок, поработать, всё же основная еда в Корее – это рис, овощи да рыба. Сытно будет, а это нужно, чтобы вырасти здоровым. Тут я Муна полностью поддерживал. Сам Мун до того, как уйти в бега, а его искали, имя сменил, волосы отрастил, изменил внешний вид как мог, учился в школе, и надо сказать, не без таланта. Я же говорю, отличное тело мне подобрал Бог. Учился хорошо, знал грамоту, письменность по четырём языкам изучил, корейскому, она называлась хангыль, китайскому, японскому и английскому. И знал Мун четыре языка, соответственно корейский, неплохо китайский и японский, и немного говорил на английском. Понимал всё хорошо, а говорил плохо, понять сложно. С другой стороны, у меня английский был точно подтянут, точнее его американский говор, учился-то говорить я у американцев на их базе, вот письменности не знал, поэтому знания Муна идеально укладывались в мою память.

Додумать я не успел, та немногая еда, что там – крохи, всё-таки заглушила бурчание в желудке, и сонливость, напавшая меня, отправила в сон. Я не стал этому противиться. Завтра всё додумаю, а пока стоит отдохнуть и набраться сил.

Проснулся я от шороха просыпающихся людей и запаха костра, ветерок дым на меня направил, отчего заслезились глаза и я дважды чихнул. Резко, сам от себя не ожидал. Сев, я потрогал грубую повязку на голове и осмотрелся. Вставшее солнце, что осветило всё вокруг, прогревая, вполне позволило это сделать. Находились мы в низине. За кустарником пряталось то гравийное шоссе, где Мун совершил свой кульбит и где я вселился в его тело, там было тихо, трасса пока была пуста. Дальше от низины начиналось засеянное поле, где виднелись залитые водой чеки, на которых зеленели ростки риса. Чуть ниже у трассы был каменный, явно старинный мост, под которым протекала речушка – так вот откуда шум реки! Мост был заброшен, рядом был построен новый, по которому и проходила трасса. С той стороны начинались высокие, поросшие лесом холмы, и особо посмотреть было не на что, но я всё равно поглядывал по сторонам, с удовольствием любясь природой в яркой своей красоте весны. Давненько я этим не любовался. А то всё серые стены камер да белоснежные стены лабораторий.

Когда Мун полетел вниз со склона, то котомка осталась при нём, она у меня как раз и выполняла роль подушки, а вот дырявое одеяло, свёрнутое в скатку, отлетело, свидетели, что мне помогали, выбрали его и мне вернули, на этом всё, больше ничего у Муна не было. Только котомка, в которой съестного не имелось, так, личные вещи, одеяло да одежда. Рваные штаны, обрезанные чуть ниже колен, без обуви, и свободная рубаша, препоясанная коротким куском верёвки. Это всё, что было, ни белья, ничего остального. Собравшись, задерживать я не стал и, коротко поклонившись, поблагодарил моих спасителей за помощь, направился к трассе. Не думаю, что меня покормят, вчера это была помощь пострадавшему, а сейчас они видели, как я осторожно встал, как будто балансируя или учась ходить заново, и сделал несколько шагов, которые с каждым движением становились всё увереннее и увереннее. Даже небольшая пробежка была, кстати отдающаяся в рану. Однако телом я с каждой минутой владел всё лучше и лучше, можно сказать, окончательно укрепился в нём. А я думал, будет долгое привыкание. Пока ещё всё необычно, но управление телом стало как родным, что не могло не радовать. Так что, свернув одеяло в скатку и перекинув через котомку, что висела на правом плече, и придерживая лямку правой рукой, я неспешным шагом направился к дороге. Кстати, пока взбирался на обочину по крутому скату, успел подивиться. Насколько знал Мун, а мне стало известно из его воспоминаний, с провозглашением Республики Кореи, в Южной, где правил Ли Сын Ман, американцев стало совсем мало, советники, да и то не так много, не больше тысячи, и части, что уже заканчивали выводиться. Техника осталась в некоторых их частях, что-то передали местной армии, но то, что Муна пытался задавить именно американский грузовик, можно считать редкостью. Ведь за рулём точно сидел американский солдат, Мун успел его рассмотреть в прыжке. Я тоже хорошо запомнил эту улыбающуюся рожу, тот радовался, пытаясь задавить тяжёлой техникой мальчонку. Упырь.

Встав на обочине, мельком оглядевшись, я двинул в сторону порта Пусан, решив побывать там, осмотреться. Время ещё есть. Двигаясь по краю, чтобы если что просто спрыгнуть и уйти от таких лихих водителей, а движение по дороге стало оживлённым, уже четыре машины проехало, я продолжал размышлять. Было о чём, нужно собрать мысли в кучу, а то они разбегались от всего того, что произошло со мной за эти неполные сутки. Прежде чем продолжить, сначала представлюсь, а то столько времени прошло, а я об этом даже и не вспомнил. Уж извините мою невоспитанность, всё же столько времени в таких местах провёл, что всё человеческое сползает. Я вроде сохранил себя, но что-то потерял, думаю, это меня извиняет. Что ж, зовут меня Фёдор Геннадьевич Палкин, ветеран Великой Отечественной войны, Японской, и участник войны во Вьетнаме. Служил в авиационном полку, ИАП пилот, на Ла-7 и Ла-9 летал. Воевать начал не с начала, с конца сорок третьего, и воевал хорошо, двенадцать подтверждённых сбитых, Золотую Звезду не получил, там счёт до пятнадцати должен доходить, но награду получил немало, и всё было за что. Воевал так, что прошёл всю войну без царапинки, хотя сби-

вали дважды, один раз до своих смог дотянуть, за линией фронта на пузо сел, другой раз прыгать пришлось в немецком тылу, как раз когда штурм Берлина начался. Да уж, приключений хлебнул до предела, если учесть, что сел чуть ли не на головы эсэсовцам, занимающим часть здания. Там вообще слоёный пирог был, один этаж наши, другой немцы занимали. Причём наши ещё и в окружении сидели. Ладно, отстреливаясь, захватив ручной пулемёт, мне удалось перебраться на соседнее здание, где сидели артиллеристы с одной «сорокапяткой», поднятой на третий этаж, но без снарядов, и двух отделений бойцов пехотного батальона. Я оказался единственным офицером. Пришлось брать командование в свои руки, советуясь с опытным сержантом Ерёминым. Почти неделю воевал с ними, уникальный опыт городских боёв приобрёл, пока наши не освободили те места. Причём обо мне знали, немцы до такой степени ловили меня, получая по сопатке от бойцов, что окрестили «Белой смертью». Комбез в извёстке был, хорошая маскировка, не поймали. Синяков и ссадин в развалинах изрядно получил, но выжил с тремя бойцами и двумя артиллеристами. Там война моя и закончилась. Старшим лейтенантом продолжил службу, отвоевав ещё Японскую, став кадровым офицером. Только из-за того, что не смог поступить в Академию, что там несколько курсов повышения мастерства, на пенсию ушёл в начале восьмидесятых в звании подполковника. Одно могу сказать, технику я знал от и до и летал до самого выхода на пенсию, продолжая держать себя в форме. Во Вьетнаме провёл шесть лет советником, одиннадцать подтверждённых сбитых, летал на МиГ-17. За время службы изучил множество машин и могу сказать, что являюсь в них докой даже сейчас. Потом в Литве с супругой поселились, та оттуда родом была, из Клайпеды. Квартиру получили, двухкомнатную, вот так и жили. Детей вырастили, внуков. В середине восьмидесятых похоронил супругу, повезло ей, не видела, что будет дальше. С перестройкой грянула беда, меня объявили оккупантом, а когда я набил морду одному националисту, из тех, что служили немцам, те уже смело выползли на улицы, парады, суки, устраивали, то отправили в тюрьму. Тут ещё один местный подсуетился, отца я его сдал МГБ, было дело, встречал на фронте, тоже в СС служил, а тут ба, идёт такой мордатый по улице. Я его опознал, он тоже в розыске был как нацистский преступник, ну и расстрел после суда. А сынок, зная, кто тут постарался, сделал всё, чтобы я не вышел из тюрьмы. И у него это получилось. Откуда я это знаю? Да приходил он, хвалился. Меня тогда конвоиры хорошо отметили, а тот наблюдал. Как я понял, с отделением Литвы тот занял высокий пост, мог себе позволить подобное. При этом отдал приказ дать мне нормальное содержание, чтобы я прожил подольше и помнил, помнил, за что он меня в тюрьму упёк. Так что у литовцев дальше более или менее нормально было, остальную жёсть я от американцев получил.

Дальше тюрьму я не покидал, характера хватало, чтобы это всё пережить. Потом, как я уже говорил, меня отправили к американцам, и как я понял, не меня одного, было дело, не один раз встречал таких же подопытных в коридорах. Мужчины, женщины, были беременные, дети. Я в курсе, что за опыты над нами ставили, прививали и выводили новые вирусы гриппа для генома славян. Оттого и требовались разные поколения, от детей до стариков вроде меня. Так-то нас в одиночках держали, иногда удавалось перестукиваться. Постепенно соседние камеры пустели, пока я не остался один, повели на очередной опыт, помню, как положили на холодную лежанку из нержавейки, руки-ноги и торс пристегнули, подсоединяли к каким-то приборам. Датчики на теле крепили, а потом вспышка электроразряда. Первую я вытерпел, тяжело дыша наблюдал затуманенным взглядом, как лаборанты снимают показания с приборов, потом повторная вспышка, темнота, и вот я в теле Муна. Говорю же, это судьба.

Естественно, имея лётный навык, воевать я планировал в пилотском кресле истребителя, однако и тут есть множество препятствий, которые мне ещё нужно преодолеть. Для начала в Корейской войне я в своей прошлой жизни не участвовал, хотя заявление писал, чтобы отправили, отказали, однако после общения с лётчиками, что воевали тут, я знал разницу между нашими пилотами и корейскими. Если проще, как ни тренируйся, но уровня советских лёт-

чиков мне никак не достичь. Тут в физиологии всё дело, наши просто покрепче, и корейские лётчики не тянули те перегрузки, что на них наваливались во время маневренных боёв в воздухе. В воздушных боях пилоты ВВС США быстро поняли, что, если МиГ-15 во время воздушного боя многократно выполняет манёвры с предельными перегрузками, то это советский лётчик. Если же он не идёт на такое, то это сильно ослабленный китайский или северокорейский пилот, которого можно не так сильно опасаться. Это правда жизни, расстраиваться не стоит и нужно принять это как данность. Для начала мне нужно набрать массу. А то натуральный дрищ, скелет скорее. Массу набрать не толстяка, есть много, но нарабатывать мышцы тренировками. Спасибо отцу Муна, тот знал, как это делать. Вестибулярный аппарат тренировать. Далее, избегать маневровых боёв, тактика «ударил-убежал» актуальна во все времена. Работать в основном не по самолётам, если только практиковать налёты на аэродромы, известных асов тут хватает и так, не выделяться, быть твёрдым середнячком, а работать в основном по земле, нанося удары по наземным частям, по противнику. По боевым кораблям, если позволит возможность. Поэтому желательно стать пилотом штурмовика, или истребителя-штурмовика. Последнее актуально больше всего. Помнится, в этой войне использовались Ил-10. Для меня то, что нужно, тем более я эту машину знал, имел возможность пилотировать её. Стояли со штурмовиками на одном аэродроме. Порядка пятидесяти часов налёта, на мой взгляд неплохо, хотя я и чисто истребитель. При этом опыт штурмовки наземных объектов имел изрядный. И «эрэсы» выпускал, и бомбы сбрасывал, у моего «лавочкина» были как направляющие, так и держатели. Это была редкая модификация Ла-7 с дополнительными топливными баками. Справлюсь.

По поводу того, как вообще попасть в лётные силы северокорейской армии, это я ещё буду думать, а остальные проблемы заключались в возрасте, моём местонахождении и отсутствии документов. Возраст ладно, можно натянуть, например, сказать, что мне семнадцать, к началу войны будет восемнадцать. Тут почему-то память Муна сбоила, я не знаю, когда станвятся совершеннолетним в Корею, считая обе области, то ли в восемнадцать, то ли в двадцать, память его мне помочь не могла. Ладно, спрошу у кого. Проведя рукой по гладкой коже подбородка, я решил спуститься к реке, что протекла метрах в ста от дороги, и посмотреть на своё изображение. Из воспоминаний Муна я знал, как выглядит это тело, но хочу посмотреть сам, теперь уже своими глазами. Кстати, зрение было просто отличным, в самый раз для лётчиков и снайперов. У меня-то зрение изрядно подсело, очки не давали, всё размыто, так что я с удовольствием любовался природой, пока шёл к городу, что уже показался вдаль. Окраины были видны и часть мачт стоявших в порту судов. При этом любованье природой, наслаждение новым телом и новыми возможностями не мешали мне размышлять.

Ну да, всё верно, симпатичная мордашка с характерным разрезом глаз и довольно длинными волосами до плеч. Нужно будет постричься. Дальше, раздевшись и дрожа от холода, я залез в ледяную воду и стал мыться. Всё-таки холодна весенняя водица. Голову не мочил, повязка осталась сухая. Потом выбрался и, пока обсыхал на лёгком ветерке, осторожно развязал материю – это было полотенце Муна, достали из его котомки, чтобы сделать перевязку, – и с шипением отодрав, осмотрел рану. Надо шить, это было сразу видно. Вернув полотенце на место – снова кровотечение открылось, лучше грязной материей рану закрою, чем заполучить пыль и грязь – и завязав повязку, оделся и, собрав вещи, направился дальше. А там, спускаясь в низину – Пусан скрылся с глаз за холмом, – я заметил, как большой грузовик, спускающийся со встречного холма, свернул к обочине и встал. Не веря своим глазам, я рассмотрел, как знакомый американский солдат, да и грузовик был тот же, на ходу торопливо расстёгивая форменные штаны, рванул к кустарнику. Это судьба. Одно плохо, в кабине остался пассажир. Вчера водитель был один, я это точно помню из воспоминаний Муна. Ничего, я злой, кое-что умею, надеюсь, это поможет.

Я сразу понял: это то, что мне нужно. Во-первых, впереди враги, которых я сам же себе поклялся уничтожать. Во-вторых, при полном отсутствии средств к существованию – вот они, которые можно добыть. Трофеи, добытые с тел врагов, слаще во сто крат. И третье, как ни странно, полная уверенность в себе и в своих силах, несмотря на не самое лучшее физическое состояние. Казалось бы, такое количество лет в заключении, да ещё с шестью попытками побега, именно шестью, должны сделать из меня боящееся своей тени нечто, но такого не произошло. Злобы у меня на всех хватит, она и помогла мне выжить и не сойти с ума. Так что эта злоба и придавала мне сил. Вот как сейчас.

Быстро осмотревшись, прикинул шансы на успех. Дорога была пуста в обе стороны, хотя со спины меня нагонял звук мотора, скоро машина появится, судя по звуку движка, что-то легковое вездеходное, вроде «Виллиса». Так что единственным свидетелем, как я сделал вид, что тоже захотел в туалет, был здоровенный негр в военной форме, что оставался сидеть в кабине грузовика, пока водитель отсутствовал. Скатившись с обочины, я спрятался за корпусом расстрелянного артиллерией японского лёгкого танка, что перевёрнутый лежал в кювете. В нём было множество отверстий разного диаметра, как будто эту машину использовали как мишень, ну а потом при расчистке дороги просто сбросили вниз бульдозером, и с тех пор тот тут так и лежал. Это была пока единственная находка, свидетельствующая о действиях американцев четыре года назад, хотя Муну свидетельства той войны встречались куда чаще. Видимо, тут у города всё было подчищено, а до корпуса этой бронемшины пока просто руки не дошли. Странно, рядом с дорогой, можно поднять и отвезти на пункт приёма металла. Однако сейчас мне этот корпус неплохо пригодился, укрытие отличное. Хм, а вон там дальше вроде хвостовое оперение истребителя торчит, с ещё видным опознавательным знаком. Японский истребитель в землю вошёл, точно говорю. Это уже второе свидетельство прошлой войны.

Поверху проехал армейский внедорожник, как я и думал, только сидели там южнокорейские военные, офицеры. Не останавливаясь, те проследовали дальше мимо американцев, лишь покосившись на машину, а я за это время сайгаком нёсся через кустарник, чтобы успеть перехватить водителя до того, как он закончит свои дела. Успел, тот ещё сидел в позе атакующего орла, как говорил один мой сослуживец капитан Горгадзе, держа в руках под сумки с магазинами или обоймами. Не знаю, чем тот был вооружён, оружие своё солдат, к сожалению, оставил в машине. На ремне был только штык-нож, а вот фляги не имелось.

Устроившись неподалёку в кустах, морщась от вони, похоже, у солдата была серьёзная диарея, я стал вытряхивать всё лишнее из котомки. Память ясно подсказывала, что тут должен быть обломок ножа с острозаточенным лезвием, и он действительно был. Старый нож с уже разошедшейся, но ещё крепко сидящей рукояткой. Сам нож обломан, однако Мун смог хорошо его наточить. Водитель, глухо ругаясь, ещё раз звонко выпустил газы и, дотянувшись, достал пачку сигарет и стал чиркать кремнем зажигалки, чтобы прикурить, при этом продолжая делать свои не самые приятные дела. Пользуясь тем, что тот особо не смотрел по сторонам, я возник у него со спины и одним ударом вогнал клинок в глаз. Хотел шею перерезать первоначально, но крови много будет, а мне трофеи нужны, рана в глазу самая чистая. Тем более я её запер, оставив нож в ране. Прихватив тело за плечи – тот продолжал дёргаться, – я положил солдата на бок, отложив в сторону ремень с под сумками. Только после этого я всмотрелся в силуэт грузовика за кустарником. Похоже, негр так ничего и не заметил. Отлично. Оставив свой нож в ране, я вытащил штык из ножен и стал подкрадываться к грузовику, стараясь заходить с заднего борта, чтобы тот не засёк.

Мне это удалось, даже смог спрятаться между задними колёсами. К сожалению, под машиной укрыться не удастся. Высокий клиренс. От пассажира возможно, но водители и пассажиры машин, что нет-нет да проезжают по трассе, легко меня там засекут, так что укрытие из двух осей колёс самое то. Хорошо, я маленький, смог залезть. Ждать пришлось минут десять, пока наконец здоровяк в кабине не выдержал и не воскликнул:

– Рядовой, ты скоро?

Меня несколько удивило, что тот столько ждал, но видимо, водитель успел предупредить пассажира, что он надолго засядет, вот особо тот и не волновался. Окликнув водилу во второй раз, негр забеспокоился, я же, переждав, когда мимо проедет автобус, скользнул под грузовик, трасса пуста была, и, стараясь не шуршать камешками, перебрался к кабине. Поэтому когда пассажир, держа в руке пистолет, прыгнул с подножки на пыльную обочину, я с ходу подрезал ему сухожилия под коленкой правой ноги, и когда тот начал падать, сделав непроизвольный выстрел из пистолета – чёрт, нашумел всё же, – я в прыжке, разгибаясь, вогнал ему лезвие под основание черепа. Готов.

Мне от того адреналина, что удалось получить, откровенно стало плохо на несколько секунд, тут и усталость, и слабость от голода – всё сказалось, однако мешкать я не собирался, потом приведу себя в порядок, поэтому сразу, ухватив негра за ноги, сбросил его вниз, помогая себе. Переваливая тело, скатил его ниже, чтобы было не видно с дороги. Успел едва-едва, сначала проехал трактор с сеном в телеге, потом несколько машин, включая пару военных. Дверь в грузовик я закрыл, чтобы не привлекать внимания. Дальше быстро обыскал сержанта, негр оказался сержантом, заслуженным, с медалью «За отличную службу» и ещё несколькими боевыми. Снял ремень с кобурой, пистолет я раньше подобрал, тот самый «кольт», с какими у нас, бывало, ходили среди лётчиков, редкость, всегда мечтал, а тут смог получить трофеем. Только что-то сейчас он не особо радовал, мечты изменились, разве что вообще появлением оружия на руках. Все трофеи из карманов я убирал в котомку. Потом и с водителем поработал, тщательно, даже зажигалку с сигаретами забрал, хотя не курил – ни тогда, ни сейчас не собирался. Забрал свои вещи, аккуратно оба ножа извлёк и отнёс к форменным брюкам, не собираясь оставлять улики, подсумки с магазинами не забыл, ну и вернулся к грузовику. Перед тем как уйти, я завалил оба тела срезанными ветками. А с водителя так ещё и форменную куртку снял, не забыв кепи. Сделал это до того, как нож из глазницы извлёк, чтобы не испачкать. Надо же как-то мне маскироваться, сидя в кабине грузовика. По самой машине я бы не знал, что делать, если бы не память Муна. Тут недалеко старые шахты находились, где вполне можно спрятать машину, на первое время по крайней мере. Не тут же её бросать, чтобы внимание привлекала и помогла найти тела. Нет, пусть они там в кустарнике подольше полежат, пока не завоняют. Я за это время далеко уйду.

У дороги, дождавшись просвета в движении, сел в кабину и запустил движок – всё знакомо, такие грузовики под конец войны были, нам по ленд-лизу они не приходили, но парочку мы у немцев отбили, а те у американцев, так что на таком грузовике я пару раз ездил в ознакомительных целях. Да и ничего сложного тут. Модель машины была GMC CCKW, вполне себе пристойный, крытый тентом двух с половиной тонн грузовик. Мотор мощный, легко тянул машину в гору, где мне навстречу попала та группа беженцев, кои мне и помогли, я лишь кепи на лоб натянул и проехал мимо, обдав их бензиновым выхлопом. Отлично, у перекрёстка на месте съезда никого не было, я свернул и покатил дальше по узкой дороге, рядом с краем глубокого оврага, потом покрутился между холмами и, сбив бампером деревянное ограждение, загнал машину в туннель заброшенной шахты. Тут вроде как раньше медь добывали, пока руда не иссякла. Часть туннелей и шахт обвалились, но такие входы ещё встречались. Этот хоть облагороженный был, со входом, заделанным щитом.

Заглушив движок, я открыл дверцу и, осторожно ступив на холодную землю туннеля, осмотрелся и выбежал наружу, вслушиваясь в стоявшую тишину. Осторожно выбегал, чтобы не пропороть на разбитых досках гвоздями босые ноги. Обувь с солдат снимать я не стал, не мой размер, к тому же заметный след. Деньги есть среди трофеев, в городе всё, что нужно, куплю. Главное, грузовик спрятал, отъехав километров на семь, на время увёл поиски в сторону, в городе меня искать не будут, так что можно посмотреть, что есть в машине, забрать нужное и поскорее покинуть шахту. Сам грузовик дальше загнать не получится, хотя я об этом

думал, крыша кабины и так уже касалась свода, ещё немного, и всё, заклинит между верхом и низом.

Убедившись, что вокруг никого, если кто что заметил, то затаился и не показывается, я, так же осторожно ступая по доскам – старые полусгнившие, – вернулся к машине, прислушиваясь. Вроде звук какой-то был. На шипение похоже было. В кузове пусто, я в этом был уверен, иначе при остановке вылезли бы наружу ноги размять и подымить, да и тент плотно завязан был, чтобы груз не потерять и не пропылить, точно людей нет, груз имелся, какой не знаю, а солдат не было. Подойдя к переднему колесу, я прислушался. Ну точно, прокол, вот и шипел, выходя, воздух. Наверняка на досках пропорол, там в некоторых местах ржавые гвозди торчат. Медлить я не стал. Котомка в кабине, пистолет в руках, я его прихватил, когда спешил осмотреться у входа, так что сразу направился к заднему борту. Кабину потом изучу. Размотав верёвку, я откинул тент и только выругался. Мебель, причём качественная и дорогая. Видимо, какой-то американский офицер-советник переезжал и вёз на новое место службы мебель. Я проверил, только она, и ничего более. Плохо, я надеялся на трофеи. Например, полный кузов продовольствия. Теперь кабина, и у меня была вся надежда на съестное, а то от голода ноги подкашивались. У водителей всегда заначки были, я это точно знаю и не думаю, что американский водитель чем-то отличался от советских шофёров.

Так и оказалось. Правда, сначала я из зажимов за спинкой водителя вытащил винтовку. Знакомая, была у нас в полку такая, у старлея Егорова, он собирал коллекцию, пострелять я успел, пока тот не отбыл на новое место службы. Генеральский сын, насколько я помню, коллекцию у него так и не отобрали, он её даже увеличил, было дело, встречались в конце семидесятых. В руках я держал самозарядный карабин «М-1», причём той же модификации, что был у Егорова. На ходу вспоминая, что и как делать, проверил его – снаряжён. Поставив оружие у подножки, я продолжил обыскивать кабину и почти сразу вытащил из-под сиденья пассажира рюкзак, армейский, явно уставной, имя было нашито. Закопался в нём, откладывая всё, что было сверху, быстро нашёл две крупные банки с консервами, чуть позже нащупал третью, такую же. Судя по этикеткам, свиная тушёнка, это я удачно зашёл. Потом нашёл вскрытую упаковку галет. Медлить я не стал, тем более к рюкзаку была прицеплена фляга с водой, уже проверил, отпив. Тщательно вытерев штык, даже помыв его водой из фляги, я вскрыл одну банку и, заедая галетами, жадно работая ножом вместо ложки.

Осилил треть банки, но несмотря на то что всё равно хотелось, много есть не стал, сразу стало тяжело, а ещё в сон бросило, поэтому пока хватит. Мун голодал, и такая калорийная пища в больших количествах может только навредить. Так что я осмотрел весь рюкзак, нашивку с именем прошлого хозяина срезал. Содержимое частью бросил, зачем мне нательное солдатское бельё со штампами на нём, зато деньги нашёл, видимо заначку. И стал укладывать в рюкзак всё, что мне нужно. Вниз свёрнутое одеяло, что нашёл тут же в кабине, потом продовольствие, обе банки с консервами и половину галет, несколько штук я отложил, через часок ещё поем. Сверху легли подсумки с магазинами к карабину. Причём все магазины я доставал и по очереди вылуцивал патроны, ссылая в рюкзак. Оружие и рюкзак я решил спрятать, и вот, чтобы пружины не ослабли, так сделал. Пистолет убрал в кобуру, разрядив предварительно, патроны ссыпал в тот же рюкзак. Три магазина к «кольту» было. В кабине грузовика я нашёл три гранаты, один тип, на наши «лимонки» похожи, судя по маркировке, называются МК-2. Две разряженные убрал туда же, в рюкзак. Одну отложил, решив заминировать машину. В принципе всё. Разве что слегка потрёпанный, но чистый рабочий комбинезон водителя, также найденный в кабине, свернул и убрал сверху. Ну, и нательную рубаху, если что, как перевязочный материал пойдёт, хотя аптечки в машине я не нашёл, как и бинты. В инструментальном ящике машины были разные инструменты, я отобрал моток тонкой медной проволоки, монтажку, отвёртку, пассатижи и кусачки тоже прибрал, и только после этого завязал шнуры рюкзака. Набил доверху.

Убрав недоеденное в котомку, я поставил растяжку, благо граната была понятная, с запалом, и оставил машину – граната на топливном баке была прицеплена, между ним и рамой, использовал кусок тонкого медного провода, прицепил я его к двери, кто откроет, через несколько секунд будет бабах. После этого, забросив лямки рюкзака на правое плечо, причём меня перекосило от тяжести, висевшая на другом боку котомка не очень служила противовесом, делая мелкие шажки, я вышел из шахты и, осмотревшись, пошёл дальше, старательно наращивая темп, благо тут был уклон. Перебравшись в два захода через овраг, вещи переносил в два этапа, я добрался до другой шахты. Сигаретыгодились, табаком следы посыпал. Тут в этой шахте Мун в прошлом году полторы недели жил и успел изучить окрестности. В этой пещере под потолком хитрая ниша была, снизу не видно, тот там прятался от облав, вот в этой нише я и спрятал рюкзак с винтовкой и остальными трофеями. В котомке только деньги оставил, завернутые в несколько слоёв грязной тряпицы. Надеюсь, если меня остановят, то поленятся всё это разворачивать. Нож свой оставил, остальное спрятал. Вот так, покинув пещеру, я вернулся на дорогу и спокойно пошёл к Пусану.

За время пути останавливался я дважды – да поесть, закончил-таки в несколько заходов банку и отложенные галеты, после чего спрятал её, прикопав с помощью ножа. Ну, вот теперь точно всё, одни деньги из трофеев остались. Замечу, по местным меркам очень значительная сумма. Местных денег не было, сразу скажу, только американские в количестве сорока семи долларов и семидесяти двух центов. А вообще шагалось легко, я прошёл мимо того места, где в кустарнике лежало два тела, приятно ощущать, что это моих рук дело, и двинул дальше. Вместе с сытостью пришли и силы продолжать движение, энергия стала бурлить. Вот где-то к часу или двум дня пройдя окраины, я и оказался в Пусане. Часы у обоих солдат были, но я их оставил в рюкзаке, тоже след, который мне был не нужен. Ну какие у бедняка часы? Так что сначала нужно переодеться, сменить облик, а потом можно думать, что можно иметь при себе, чтобы меня не разоблачили. Хотя на самом деле я просто побоялся брать часы, вдруг всё же остановят, сам видел один подвижный патруль и один стационарный пост, вполне могли, но по счастью, на меня просто не обратили внимания, отчего я с облегчением вздохнул. Главное, я в городе, теперь можно дальше импровизировать. Где тут цирюльня и рынок? Хотелось бы состричь эти космы, постричь ногти да сменить одежду на более подходящую и приобрести наконец нормальную обувь. Но главное, найти врача, чтобы посмотрел и зашил рану. И вот сейчас думаю, с чего начать?

Это я к чему всё, просто, встав на перекрёстке одной из улиц, отмечал боковым зрением, как на меня косятся прохожие, особенно на голову, повязку-то я убрал, слишком демаскирует, как тюрбан, и придерживал кровь с помощью того же полотенца, но аккуратно сложенного. Вот так я стоял, размышлял, и мне вдруг попался на глаза красный крест над входом в одно из зданий. Только эта медчасть находилась за воротами, которые охранял часовой, причём в форме южнокорейской армии, а на территории ходили как корейские солдаты, так и пара американских офицеров, видимо советники. Хм, почему и нет, больше ничего похожего на больницу я не вижу, а кровь всё течёт. Побеспокоил я рану, когда снова снял повязку. Мысленно пожав плечами и включив наглость, я пошёл прямо к воротам.

– Стой! Куда? – остановил меня часовой, что прохаживался у ворот.

– Меня американский солдат сбил, на грузовике, сказал идти к вам в часть, чтобы рану зашили, – ответил я. – Он случайно, не заметил меня.

– Случайно, как же, – пробурчал рядовой. – Жди.

Подёргал за верёвку, где-то вдали зазвенело, мы дождались, когда выйдет старший наряда, и я повторил ему то, что сказал часовому. Принять правильное решение помогла однодолларовая бумажка, которую я сунул сержанту в ладонь. В памяти Муна были воспоминания о большой коррупции среди военных. Тот мельком глянул на подношение и, кивнув, повёл меня за собой. А что, на соджу заработал, это такая местная водка, национальный напиток,

особо ничего не нарушает, нормально. Тот завёл меня в медчасть, где сидел слегка вдатый американец, причём судя по тужурке, висевшей на спинке стула, сержант медицинской службы. Не офицер.

– Что вам? – хмуро спросил тот, убирая стакан со спиртом, который, видимо, хлебал. Явно разбавленным.

Старший наряда, сильно коверкая речь на английском, пояснил тому причину моего прихода, на что сержант скривился и рявкнул:

– Пошли отсюда! Мне по хрен, если какой мудозвон какую макаку придавит.

Причём судя по виду моего сопровождающего, тот этого и ждал, наблюдая, как меня отшивают в грубой форме. Развлекался, сволочь.

– Господин офицер, – взял я слово, говоря достаточно правильно. – Господин водитель, что на меня наехал, дал десять долларов, чтобы я передал их вам и вы меня полечили.

Сопровождающий скривился, а вот сержант подобрел, взмахом руки отправил прочь местного корейца, а мне велел садиться на стул. Отложив котомку, я сел – деньги я заранее приготовил, – и тот стал осматривать рану.

– Ну ты и зарос. Ладно хоть в чистоте волосы держишь, вшей не вижу. Будем брить. Давай деньги.

– Господин водитель сказал, деньги не давать, пока всё не будет сделано.

– Умные все слишком стали, – проворчал медик и, достав из ящика машинку, стал остригать всё вокруг раны, там тоже кровь была, тот не промывал, да ещё не стриг, а рвал частично, больно было. Я шипел, но терпел.

Причём остригал волосы только у раны, остальное его, похоже, нисколько не волновало. Жаль, я надеялся, он меня бесплатно обреет, мне эти космы не нравились, косички можно носить, я как привык к полубоксу, так ничего другого и не признавал. Закончив, тот осмотрел рану, промокая тампоном, после чего, приготовив инструменты в тазике, сначала почистил рану, по живому и также без анестезии, и, пропитав нить спиртом, стал шить. Восемь швов наложил. Потом не стал накладывать повязку, а наклеил пластырь, пропитав его какой-то жёлтой мазью, видимо для заживления.

– Всё, готово. Давай мои деньги и убирайся.

– Спасибо, сэр.

Низко поклонившись, я передал две пятидолларовые купюры, которые тот с подозрением проверил и убрал в карманы брюк, и поспешил выйти. В воротах я едва увернулся от пинка старшего наряда и, придерживая котомку, припустил прочь. Одно дело сделано, осталось сделать другое. То, что сержант-медик меня принял, конечно, удивительно, но в принципе объяснимо. Одетых, как я, на окраине хватало, вот меня за такого местного босняка и приняли. Да и вообще, видимо, поразвлечься над недотёпой планировали, а тут вон как оказалось, у меня деньги были, а у кого деньги, тот и прав, потому я и получил медицинские услуги. Пусть у заклятых врагов, но главное, качественные. Всё же я отслеживал всё, что делал тот медик. Рана тупо ныла, хотя недавно подёргивалась, так что терпимо.

Поспрашивав, я узнал, где находятся местные открытые торговые ряды. Как и ожидалось, они были рядом с портом, и направился туда. Добрался без проблем и задержек, там на месте стал ходить и поглядывать, выбирая одежду. Мне удалось найти неплохие брюки моего размера, потом нательное бельё, две рубахи, одна запасной будет, лёгкую куртку и широкополую шляпу, её я сразу надел, чтобы скрыть пластырь, слишком много внимания к нему, чистый и белоснежный. Тут же у одного торговца в примерочной и переоделся. Старую одежду убрал в котомку, едва вместилась, и продолжил прогуливаться. Приметив сидор, самый обычный такой советский сидор, я приобрёл его и направился дальше. Всё же хорошо, что многие торговцы принимают доллары, хотя я мог и поменять их, меняла тут работал, я подходил, такие грабительские расценки были. Нет уж, лучше напрямую с продавцами работать. Найдя непло-

хия ботинки, те, что раньше примечал, не по размеру были, эти тоже померил и понял – то, что надо, отлично сидят. Купил также к ним пять пар носков, потом взял чистое новенькое полотенце, одеяло, а всё, что при себе имел из старого имущества, продал. Котомку тоже, приметная, с заплатой на боку. Откровенно скажу, даже не за деньги, что там копейки, а просто обменял на отличный нож с ножнами, крепкий, лезвие двадцатисантиметровое с односторонней заточкой. К нему и ремень купил, сразу опоясался, только нож не вешал, в сидор убрал.

Все покупки уместились в сидоре. Придерживая его на правом плече, я покинул эти торговые ряды. Денег мало осталось, а траты ещё были. Пока я совершал покупки, то как бы между делом уточнил, где ближайшая парикмахерская, вот туда и направился. Цирюльник работал на открытом воздухе под навесом. А вообще, корейцы довольно щепетильно относятся к внутреннему убранству зданий или домов, предпочитая минимум мебели. Для них пол священен, зайти в дом или квартиру можно только сняв обувь. Если этого не сделать, то это неуважение к хозяевам и дурной тон. Варварство. На полу спят, на полу сидя едят, пол для них всегда должен быть девственно чист, и они к этому относятся очень серьёзно. Оттого я особо и не удивился, что парикмахер предпочитает работать под навесом, это правильно. Размышляя о национальных традициях корейцев, я подождал свою очередь, сел в кресло и пояснил, как стричь – да налысо. Деньги местные были, один из торговцев пару долларов разменял, по нормальному курсу. После бритья мне ещё и голову помыли, с мылом, при этом не намочив пластырь и рану, губкой работали. Ещё в парикмахерской мне постригли ногти и даже прошлись пилочкой, убирая зазубрины. Потом, расплатившись, я снова надел шляпу, маскируясь и перейдя на другую сторону улицы, зашел в местную столовую, или скорее лапшичную, не знаю, как правильно называть. Запах приятный доносился, пока я в очереди в парикмахерской сидел, с ума сводил, так что сразу, как постригся, и покушать решил. Шляпу не снимал, купил китайских пельменей, а закусочная китайской оказалась, да мясного бульону. Пельмени тоже на мясе были. Два ломтика хлеба ещё взял. Поел с удовольствием. Причём как взял обе палочки, тут не было привычных мне вилок и ложек, так стал как само собой разумеющееся есть, как будто всю жизнь это делал. Опыт Муна сказывался, так что внимания не привлекал. А мяса мне было нужно много, оттого и выбор мясных блюд, массу пора наращивать.

Приём пищи нисколько не мешал мне размышлять, чтобы строить дальнейшие планы. Вроде пока мне удаётся не привлекать внимания, но долго это не продлится, нужно что-то решать дальше. Когда я переберусь на сторону Северной Кореи? Как это сделаю? Что там говорить? Всё это нужно тщательно обдумать и проанализировать, а пока я нахожусь тут, в южной части Кореи, продолжу заниматься по методикам отца Муна, ну и вес подниму. Полдничая, несмотря на задумчивость, я не забывал поглядывать вокруг и особенно на вещмешок, что стоял под ногой. Я опытный, лямки ногой прижал, поэтому, когда его дёрнуло, успел ухватить за загривок мальчонку. Ему крепкого леща, сидор на место, и снова продолжаю размышлять. Так вот, сообщать, кто я в действительности, я никому не буду, это просто глупо. Конечно, мелькала мысль отправиться к нашим и всё выложить, но останавливало несколько моментов. Для начала я не уверен, что смогу поучаствовать в этой войне, а я собираюсь это сделать. Посадят в какую «шарашку», сиди, вспоминай, какой будет в будущем авиация. Схемы рисуй. Помня, что на мой запрос правительство России ответило отказом предоставить мне российское гражданство и защиту, это я уже в тюрьме сидел, поступлю так же, отвечу, как мне тот посол. Хрен вам, а не гражданство. То есть хрен вам, а не моя память о будущем. Я вообще злопамятным бываю, особенно в такие моменты. В будущем, после Корейской войны, я, скорее всего, переберусь в Союз, в тот же Казахстан, и устроюсь там, всё же менталитет ближе. Но сейчас нет, Корею до конца лета пятьдесят третьего года я не покину. Значит, нужен план. Надо подумать.

Хорошо поев, я прихватил полупустой сидор, что там рубаха, полотенце, запасные носки да нож, одеяло сверху было закреплено как скатка, и направился обратно на рынок. Я, конечно,

у американских солдат взял трофеями по местным меркам очень приличную сумму, но всё равно она шла на убыль, осталось двадцать два доллара двенадцать центов. Закуплю-ка я продовольствие, особенно то, что долго хранится, ну и посуду нужно взять, раз я бродяга, что спит и ест под открытым небом. Однако по пути к рынку, тут недалеко было, я заметил двух парней лет двадцати, что, смеясь, шли по улице. Это корейцы были, и одеты они в военную форму, курсанты военного лётного училища, судя по лётным крылышкам на воротниках. Как интересно. А ведь это идеальное прикрытие, побег курсанта к северянам. Надо подумать. Проверки, конечно, будут, наверняка особый отдел жёстко будет работать, чтобы выяснить, настоящий я перебежчик или шпион, а потом примут решение... Вот только сомневаюсь, что перебежчикам доверят штурвал боевого самолёта. Да, надо подумать.

Придерживая сидор, а потом вообще накинув лямки, чтобы тот за спиной висел, я спокойным шагом направился за курсантами. Нужно выяснить, где у них находится училище. Оказалось, можно и не следить, сделал умильную мордашку, наговорил прохожему, как мечтаю летать, ха, кто даст, небо в Корее для избранных, и не с моим лицом в это влезть, как мне попутно объяснили, но хоть сообщили, где находится это лётное училище. Бывший аэроклуб, переквалифицированный в военное учебное заведение. Так что я развернулся и снова направился на рынок. Посуду удалось купить в магазине рядом с рынком, он на этом и специализировался. Был бы я не один, купил бы чайник, а так взял литровую кружку, двухлитровый котелок, небольшую сковороду, глубокую тарелку, ложку, вилку, две качественно выделанных палочки, ну и столовый нож. Кстати, в этом магазине доллары не принимали, пришлось сбегать к тому торговцу и наменять необходимую сумму. Купил, что нужно, а заметив флягу знакомого вида – японская, явно не на литр, ненамного, но чуть больше, – осмотрел и тоже купил, пробка понравилась, крепкая, винтовая, не проливает, я проверил. У нас были в полку такие фляги, когда мы в Японской войне участвовали. Кстати, мне удалось поучаствовать в воздушном прикрытии захвата бывшего Порт-Артура. Это так, к сведению.

Сидор полный, и я решил купить котомку, только поновее и чуть больше, оценив необходимость и незаменимость такой тары. Продал котомку, и теперь без неё как без рук. Нашёл подходящую и приобрёл, дальше стал покупать продовольствие, благо всё, что нужно, тут имелось, были бы деньги. Взял две пачки галет, в походе пригодятся, два килограмма риса, от Муна мне досталась любовь к корейским блюдам, и к рису в том числе, потом несколько кусков вяленой рыбы, её долго можно хранить, кочан капусты, узелок с солью, тут же купил перец и перемешал с солью. Меня этому один боец из БАО научил, чукча, между прочим. Я часто так мешал и ни разу не жалел, очень действенная и неплохая приправа. Взял немного и местной приправы, ох и жгучая, но мне теперь благодаря пристрастиям Муна они были привычны. Один торговец предложил консервы. От рыбных я пока отказался, но у того было шесть банок с американской тушёнкой. Той самой, что я сегодня ел. Взял все шесть, долго торговались, я старался сбить цену за опт, но взял. Пять утрамбовал в сидор, одна в котомку ушла к остальному продовольствию. Подумав, и две с рыбой взял, пусть будут как НЗ, тем более цену за них торговец не драл, ходовой товар. Ещё я взял немного чая, тут он не такой и дорогой, китайский, и на этом всё. Взял бы крупы, той же картошки, но товар дефицитный и стоил ну очень дорого. Кстати, обнаружил, что один мужик продаёт сухари, ржаные, на развес. Я даже заметил на боку знакомый штамп. Да наши сухари, советские, явно контрабанда. Денег не оставалось, взял на всё полкило, завернул в тряпицу и убрал в котомку. Ну, вот и всё, и сидор и котомка полны, даже внимание привлекаю, раз есть, что хранить, значит богат.

Покинув рынок, я направился к училищу. Вскоре стемнеет, стоит обустроиться неподалёку, найдя подходящее место для ночёвки и начать разведывать. А шагая, достал из кармана куртки сухарик – я один отложил – и с удовольствием понюхал. Родной же запах, аж слюнки потекли. Есть не стал, его размочить нужно, зубы поберегу, убрал обратно. По пути, побренчав мелочью – деньги трофейные закончились, те, что американские, это то, что на сдачу получил

– и подсчитав, сколько осталось, зашёл в лапшичную. Поел я недавно, и двух часов не прошло, а до заката, по моим прикидкам, часа три осталась, и хотя пельмени сытными были, молодой растущий организм снова требовал есть. Протерев тряпицей котелок, местная прислуга сжалась и помыла его кипятком и положила туда холодной лапши, называемой куксу, с овощами на рыбном бульоне. А в тарелку положили ещё одно национальное блюдо под названием кимчхи. Это такой салат. В данный момент состоявший из квашеных овощей, приправленных красным перцем. Впрочем, в лапше перец тоже был. Одну порцию взял, на более денег не было. Этот котелок я и понёс дальше, крышки не было, так я сверху тряпицей накрыл. Это чтобы не запылить. А тарелку в руках держал, её полотенцем накрыл. Готовить вечером не хотелось, деньги были, вот и купил. Не хотел продовольствие тратить, как НЗ оно у меня. Лучше побережь, мало ли придётся быстро уходить из города. У меня тут всё на волоске висит, тоже понимать надо. А по поводу лапши и салата, хотелось самому попробовать, а не просматривать воспоминания Муна, например, по его вкусу пельмени были пресноваты, да и харчевня та была китайской, и подавали там именно китайские блюда, а тут лапшичная чисто корейская была, и чего только в эту лапшу не напихали, не только рыбу, но и мясо крабов, осьминогов и разного такого, я уж не говорю про специи и перец, острая пища в Корее норма, традиция, а попробовать всё равно хотелось, вот и купил.

Лавируя мимо хмурых прохожих – ни одного улыбающегося корейца пока не видел, да и не принято это у нас, – ещё не хватало расплескать мою ценную ношу, я ушёл от порта в сторону лётного училища. Найти его удалось, только вот я не обнаружил ни лётного поля, ни ангаров, ни самолётов. Поспрашивал у местных и выяснил, что тут только училище, летают курсанты в другом месте, аэродром километрах в двадцати. Плохо, но пока планы это мои не меняет. Устроился я довольно далеко от училища в развалинах дома, его явно бомбой накрыло, судя по воронке. Никто не восстанавливал, видимо место не особо престижное. А я ничего, сделал лежанку и ближе к темноте поел сначала салата, на удивление понравилось, а потом и холодной лапшицы. Причём, протянув руку за вилкой, стал есть и не сразу обнаружил, что делаю это палочками. Вот что значит привычка прошлого тела. Бульон с края котелка выхлебал. Да, остро, но вкусно. Интересно, как я с такими вкусовыми качествами на картошку с котлетой по-киевски и подливой отреагирую?.. Чёрт, слюной чуть не захлебнулся. Потом, отмыв котелок и тарелку, травой почистил и у колодца помыл, вернулся и стал размышлять, лёжа на одеяле и рассматривая звёзды.

Пока я был у колодца, там женщин хватало, то постарался разговорить некоторых. С одной повезло, её муж работал в училище, как я понял, завхозом. Та была любопытной в делах мужа и с охоткой стала мне сообщать всё, что знает, я лишь небольшими вопросами выводил её на нужную мне тему. Хм, я и не знал, что после разделения Кореи вся авиация Японии, заводы и инфраструктура достались Южной Корее, Северной мизер, фактически пшик, и, как я понимаю, ВВС Северной Кореи нужно создавать практически с нуля. Да и лётчиков тоже обучать, так как те корейские лётчики, что служили японцам, подверглись гонениям. Информированная дамочка, это даже хорошо, та просто не поняла, как порадовала меня. Если с авиацией у северян так плохо, то мне уже легче влезть туда, опытный пилот им пригодится. После проверки, конечно же.

Дождавшись темноты, я прокрался к забору, за которым находилось училище, и, прыжком взобравшись наверх – часовой был дальше у ворот, тут пусто, – мягко спрыгнул с той стороны и тихо направился к подсобным строениям. Со второго этажа того почти завалившегося здания мне удалось рассмотреть, как в этот сарай местный служащий закатил велосипед, а мне нужен был транспорт, его тут охраняли, на замки закрывали, а этот велосипед мне показался неплохой добычей, вот я и решил рискнуть. Вскрыть замок удалось без проблем. Да по сути я его и не вскрывал, куском арматуры, подобранной у развалин, просто отжал щеколду, вырвав её из петель, и тихо, чтобы стальная полоса не звякнула, положил на землю. Потом приоткрыл

дверь, чтобы не потревожить щеколду, и шмыгнул внутрь. Дальше пришлось действовать на ощупь. Ничего кроме спичек у меня не было, да и те в котомке остались, были бы, всё равно не стал зажигать, не хватало ещё привлечь внимание отсветом из-за двери. Тем более отбоя ещё не было, вон, несколько курсантов прогуливалось. Найдя велосипед, сразу проверил шины, накачаны хорошо, остальное тоже было в порядке. Нормальный велосипед, да обычный, у нас тоже такие были. Вот только звонок на руле, он может выдать меня в любой момент случайным звяком, так что я нашёл инструмент в бардачке велосипеда и на ощупь его скрутил и убрал в карман. Пока было время, пошарил по полкам и по стенам, ища что интересное.

Дождавшись отбоя, я вывел велосипед и докатил до забора, там запрыгнул наверх, поднял велосипед на верёвке. Тут аккуратно перевалил его и спустил с другой стороны, потом спустился сам, не забыв смотать так хорошо пригодившуюся и попавшую мне при поиске в сарае верёвку, и докатил велосипед до развалин, где оставил вещи. Забрав их, я покатил прочь из города. Не по дороге, рисовыми полями, закатав брюки до колен и сняв обувь, это и позволило мне обойти посты. Катил я к тому самому аэродрому, где проходят лётную практику местные курсанты. Есть у меня одна идея. Помнится, в сорок четвёртом в соседнем полку «як» угнали, и это при хорошо организованной охране. Немецкий агент снял часового, спокойно сел в заправленную машину и, не обращая внимания на ночь, улетел. А что ему, задание выполнил, транспорт таким вот способом добыл, вот и отправился к своим докладывать о выполнении. Наглости его можно было только позавидовать. Тревогу подняли, конечно, но куда там, улетел. У них тогда комполка сняли и особиста, под трибунал попали, а вот замполит и начштаба удержались на своих местах. Оправдывались своим отсутствием, их действительно тогда не было, в штаб дивизии уезжали. Раз тот диверсант смог, то и я смогу. Где находится аэродром, я знаю. Точнее, нашёл в памяти Муна. Когда женщина о нём говорила, я мысленно сразу нашёл нужные координаты и самую лучшую дорогу. Не прямую, скорее незаметную. Она для меня лучше. Мун там бывал, издали наблюдал за аэродром, но не приближался. Так что разведать всё придётся самому.

За ночь я действительно смог добраться до нужного места, счастливо избежав патрулей, думаю, они были, а может, и нет, война же пока не объявлена, так, приграничные стычки и конфликты, не более. А тут глубокий тыл. Да, думаю, охрана если и есть, то сильно ослаблена. Добрался до аэродрома я ближе к утру и, найдя подходящее место, заросший кустарником овражек, замаскировался и, завернувшись в одеяло, спокойно уснул.

Разбудил меня рёв авиационного мотора, что взревел неподалёку и, немного поработав на разных режимах, заглох. Завозившись, я потянулся, потом сел, сонно осмотрелся. После этого, не вставая, больше по-пластунски, подобрался к краю кустарника и всмотрелся в сторону ангаров вдаль, где стояло несколько самолётов. Увиденное заставило меня разочарованно поджать губы. Я думал, что стоящее будет, а там одни связные, наблюдательные да учебные, да и то наверняка заезженные до предела. Так не вижу, но уверен, раз их используют как учебные. Боевых не было, видимо на другом аэродроме держат. Ладно, посмотрим позже, может, что стоящее подберу? Тем более два ангара стояли, может, внутри что есть? А так по конфигурации, сборно-щитовым домикам и вышке, это явно бывший американский аэродром, переданный местным. По поводу же моего недовольства, на то были причины, а всё дело в том, что все эти учебные самолёты, может, и обладали отменными лётными качествами, для лётной практики курсантам самое то, но были тихходными, а мне нужно что побыстрее. На этих машинах меня мигом перехватят... Хм, если только лететь ночью. Да, ночью шансов куда больше, тут лишь одна проблема, не взлёт, это легко, опыт ночных полётов у меня изрядный, я имел в лётной книжке отметку о том, что являюсь «ночником», а дело в посадке. Да и карта нужна, хоть какая-нибудь, чтобы сориентироваться и не заблудиться. Так-так-так. Если угонять такой учебный самолёт ночью, то это лучше делать под утро, чтобы быть у северян утром и спокойно

при свете солнца совершить посадку. Дальше сориентируюсь. План составлять смысла не вижу, всё равно импровизирую, а там всё до первого выстрела. Да и что тут планировать, приземляюсь, если никого вокруг, вещи в руки, и бегом от места посадки. Если будет возможность, заберу с собой велосипед, он мне понравился плавным ходом. Если заметят, окружают, что ж, придётся играть перебежчика. Думаю, выкручусь.

Ночью лагерь я разбил слишком близко к аэродрому, так что, свернув всё, нагрузил на велосипед и покатил его подальше. Отличное место для скрытой стоянки я нашёл под вечер, всего в трёх километрах от аэродрома. Нормально, будем обустриваться.

* * *

Вот уже неделю я живу рядом с этим аэродромом, в основном на рисово-мясной диете, хотя один раз для разнообразия и рисовый супчик с рыбой сварил, и капусту потушил, да и жарить удавалось, но ничего, все калории уходили, так как я возобновил тренировки, с каждым днём ещё больше осваивая своё новое тело. В качестве тренажёра и велосипед использовал, поднимал его на вытянутых руках, мышцы качал, потом садился с ним на плечах, бегал. Удары отрабатывал, доводя их до автоматизма. Тренировки были по утрам и по вечерам, днём, прихватив сухпай, я отправлялся к аэродрому, наблюдая за ним с разных ракурсов, с интересом глядя, как прошло несколько тренировочных полётов с курсантами, их на автобусе привозили. Один раз ночью я проник в диспетчерскую, ничего не трогал, но осмотрелся хорошо, запоминая, что где лежит, и успел уйти раньше, чем вернулся дежурный, посещавший туалет. Ну не мог я не воспользоваться таким удобным моментом, тот убежал в спешке к характерной будке, дверь открыта, радист спал в другом помещении, вот и проявил здоровый авантюризм. На мой взгляд, всё правильно сделал. Тихо пришёл – тихо ушёл. Что за техника стоит в ангаре, я уже знаю, мне было приглянулся там небольшой двухмоторный самолёт с грузовым отсеком, эта машина могла поднять до тонны груза, но один мотор был снят, там техник лениво возился, и я видел по его работе, что в строй введёт тот самолёт не скоро. В общем, из трёх наличных самолётов на аэродроме я выбрал один. Да и как не выбрать, если он единственный всегда заправлен. Это была «Сессна», если я правильно определил силуэт, вроде Л-19, связной самолёт, да ещё артиллерийский разведчик и корректировщик, тут он использовался как тренировочный. Помнится, дальность у него за восемьсот километров, да двести пятьдесят километров в час предельная скорость. Тот очень сильно был похож на немецкий «Шторх», которым мне не доводилось управлять, но видеть видел, и не раз, да ещё один на счету записан. Связника тогда сбил.

Продовольствие у меня заканчивалось, стремительными темпами уходило, есть постоянно хотелось с этими тренировками, так что я решил твёрдо, этой ночью улетаю, как я это сделаю, уже успел продумать, прикинув варианты, что могут возникнуть в разных не запланированных ситуациях. А они могут возникнуть. Вот так под вечер, когда начало темнеть, я уже укрылся в том кустарнике, где провёл первую ночь. И сейчас мне это укрытие пригодилось. Убедившись, что всё тихо, я завернулся в одеяло и уснул, перед этим выпив чуть ли не литр кипячёной воды.

Внутренний будильник сработал, в полночь я проснулся как по звонку и мелкой рысью сбегал в кусты, чтобы сбросить излишки жидкости. Нормально, вовремя встал, судя по стоявшей на небосклоне луне. Прихватив велосипед – все вещи на нём закреплены, лишь скатку одеяла сверху набросил, – повёл свой транспорт к самолёту, что стоял не так и далеко от домика дежурного, приткнувшегося к наблюдательной башне. Что примечательно, аэродром скорее полувоенный, охрана тут была чисто номинальная, все специалисты, что тут работали и жили на окраине аэродрома, были специалистами, техников несколько, инструкторов да начальства. Вблизи населённых пунктов не имелось, до ближайшей деревушки пять километров, они тут

ничего не опасались, всего отделение солдат, что стоит постом на въезде, и всё. Даже зениток нет. Хотя аэродром вроде как действующий, хотя и запасной, я всего три раза видел, как тут садились военные самолёты, все поршневого, два транспортных, для дозаправки, и один британский штурмовик, все имели обозначения ВВС Южной Кореи. Так что с угоном самолёта проблем я не видел. Поэтому, пользуясь темнотой, добежал до самолёта, укрылся в тени его корпуса и приступил к делу. Сначала снял все вещи, уложил в салоне, за спинками сидений, потом стал ключом – взял его из кожаного бардачка – снимать колёса и руль. А велосипед был полностью укомплектован, и ключи были, и насос на месте. Так вот, разбирая велосипед, я поглядывал по сторонам. Закончив, стараясь не брякать, я сначала убрал в салон колёса и руль, еле втиснул в небольшой дверной проём, однако замеры были правильные, вошли, потом раму так же всунул в салон, положив спинку сиденья пассажира. Уф-ф, всё-таки вошло, удалось дверцу закрыть.

После этого я провёл все необходимые процедуры для запуска самолёта, пусть и ночью, но что делать знал, сколько раз видел, как инструкторы гоняли курсантов, проводя подобные работы, потом убрал стопоры с крыльев и колодки из-под колёс. Последние, ощупав, также убрал в салон, вещь нужная, стопоры тоже. Колодки не заводские, самоделки, явно сделанные тут, но качественные, со шнурами для переноски, пригодятся. Отлично, это всегда дефицит. Только после этого, машинально тронув висевший на боку в ножнах нож, пригибаясь, я добежал до помещения с дежурным и заглянул в окно. Ну, как всегда. Радииста нет, спит в соседнем помещении, он у них вообще один, дежурный тоже спит, но с наушниками на голове, если будут вызывать, проснётся. Я вообще поражаюсь безалаберности местных, службу несут спустя рукава. Я понимаю, что аэродром запасной, но не до такой же степени?

Рисковать я не стал, ступая босыми ногами по полу – дверь открыта была, только противомоскитная сетка висела, – я подошёл к дежурному. Тот завозился полусонно, почуяв чужого, но ушёл в более глубокий сон после моего дозированного удара по голове. Специально дубинку сделал. Хм, я уж подумал, действительно почуял, но засомневался, при тренировках попотеть мне приходилось, но не так далеко речка, оттуда местные воду брали, я там мылся каждый день, так что чистым был, уверяю. Проверив – хороший удар, – я снял у него с пояса ремень с кобурой, где находилось табельное оружие, связал руки спереди, с виду тот лежал на столешнице как обычно, наушники на голове, это чтобы не сразу заметили, что что-то не так, да и его не так сильно наказывали, мол, вырубил и всё такое, а сам прошёл в соседнее помещение, не то, где радиист спал, в другое, тут висели лётные костюмы, шлемофоны, парашюты и очки. Также было несколько старых планшетов. Быстро подобрал под свой размер пару не сильно изношенных костюмов, хорошо, что курсанты не слишком по комплекции от меня отличаются, есть нужные размеры, потом шлемофон, очки с зеркальным напылением, у нас в полку такие были, немецкие, трофейные, редкость жуткая, всего три экземпляра на весь полк, берегли их как могли. Планшет тоже прихватил, сверху на тюк положил, а вот парашют брать не стал, смысла не видел.

Вернувшись в помещение с рацией и дежурным, я положил тюк у входа, а сам, подойдя к шкафу, стал отбирать карты. Потом, плюнув, забрал всё, свернул в рулон, только одну сложил и убрал в планшет, под прозрачную вставку, чтобы смотреть, куда лечу. Фонарик, наручные часы и бинокль у дежурного ещё затрофеил. Вернувшись к самолёту, забросил трофеи в салон, ничего надевать не стал, были мысли на этот счёт, надел сандалии и, забравшись в салон, не стал медлить, а запустил мотор электростартером. Со второй попытки движок заработал, мотор работал как часики, моторист на аэродроме знал своё дело туго, за время наблюдения я это понял хорошо. Немедля, не дожидаясь, пока мотор прогреется, я сразу отпустил тормоз и покатил по полю, видя, как за спиной загораются огоньки в домах. Разбудил я местных. Да поздно было, набрав скорость, машина легко оторвалась от полосы и стала карабкаться в небо.

Поднялся я на сто метров, хватит пока. Перед уходом телефон и рацию я испортил, так что пока восстановят, успею перелететь границу. Десять раз успею, тут всё так близко.

Шлемофон, что я надел перед тем как запустить мотор, плотно охватил голову и подбородок, удобная модель, очки я на лоб поднял, кабина закрытая, надобности в них нет. В наушниках шорох был, в кабине рация стояла, я к ней подключился и, пока летел, поработал в настройках, на некоторых каналах морзянка слышна была, на других переговоры, но ничего интересного. Чуть больше часа прошло, и внизу промелькнула граница, вроде ориентиры правильные, точно сказать не могу, только-только светать начало, но ничего, летим дальше. Сменив курс, я направился к Пхеньяну, хотя до этого делал вид, что летел к Вонсану, находившемуся на другом побережье, том, что омывали воды Японского моря. Это чтобы если на границе засекли, передали неправильный мой маршрут. Мало ли самолёты поднимут для перехвата, а они могут поднять. Так что дальше, укрываясь складками местности, я летел куда нужно. И кстати, судя по усиливающимся радиообменам, мой пролёт всё же был замечен, только я ничего не понял, переговоры шли кодовыми словами.

Над военным аэродромом на окраине Пхеньяна я появился явно внезапно, так что в царившем там сонном царстве с ровными шеренгами не таких и многочисленных самолётов вызвал переполох. Никто не ожидал моего появления, а радары не предупредили. Ну ещё бы, я для того на бреющем и шёл. Радар тут точно был, вон установка на вершине сопки, она меня и пропустила. Сейчас-то видит, конечно, я свечой поднялся метров на двести, но до этого засечь меня не должны были. Почти сразу внизу забегали. Несмотря на утро, на аэродроме почему-то оказалось довольно много народу, видя, как несколько зенитных расчётов шустро разворачивают стволы в мою сторону, я покачал крыльями и с разворотом на левое крыло пошёл на посадку. Не скозлил, сел мягко на три точки, покотившись к зданиям на другой стороне поля. Со всех сторон ко мне бежали вооруженные люди, в основном местные, хотя в стороне у барачков я заметил несколько человек, что отличались, здоровее и выше были, светлые, точно наши из советников. Двое в трусах стояли, мой прилёт их явно из койки поднял. Ещё бы, такая рань. И всё же, откуда тут столько вооруженного народу?

Докатившись до конца полосы, я свернул и притормозил, тут меня уже ждали, я больше скажу, несколько солдат шагали рядом, держась за крылья, так что, выключив мотор, я открыл дверцу со стороны пассажира и стал расстёгивать шлемофон, отсоединив штекер от рации. Заглянувший в салон офицер, явно особист, этих легко опознать по взгляду, с подозрением смерил меня взглядом, явно удивившись увиденному, и махнул рукой, мол, вылезай. Повесив шлемофон на штурвал, я уцепился за верхнюю стойку и одним слитным и изящным движением выскользнул наружу, встав на ноги. Потом, задумавшись, сунул руку в салон, помешать мне не успели, и достал колодки, протянув их ближайшему солдату, дёрнувшемуся было ко мне, и указал на колёса. Тот взял, но ничего делать не стал, так и висели у него в руке. Тут наконец ко мне протолкались несколько офицеров, явно из старших, не ниже майора, причём все одеты по форме, все пуговицы застегнуты, вот один из них, не знаю местных знаков различия, и обратился ко мне:

– Кто таков? Перебежчик?

– Мне шестнадцать лет, какой перебежчик? Скорее беженец-доброволец, – с укоризной сказал я и сразу продолжил, пока не остановили и особисты не увели для разговора без свидетелей – кажется, это приват называется? – Меня зовут Пак Мун Хо, я сын бывшего чиновника из Южной Кореи, два года назад мою семью расстреляли под надуманным предлогом. Якобы мой отец и остальные из клана, где он состоял, симпатизируют идеям коммунизма. Мне удалось с сестрой бежать, она умерла, аппендицит. Тогда я последовал заветам отца и отправился в Советский Союз, где и прожил полтора года. Отец мне дал координаты одного военного лётчика, и я нашёл его, тот выполнил просьбу отца и научил меня летать. На советских военных самолётах. Предполагая, что скоро будет война, я решил участвовать в ней и отправился к вам.

Правда, контрабандисты, которые меня должны были доставить к вам, оплошали, сильный ветер отогнал их судно к южанам, и сторожевое судно нас остановило, пришлось сбрасывать вещи за борт, меня бы за них расстреляли, деньги только оставил. Бежал в порту Пусана, угнал этот самолёт с запасного аэродрома, и вот добрался до вас. Это мой трофей, и я официально при свидетелях сообщаю, что дарю его ВВС Северокорейской армии. Это подарок от меня, это хороший наблюдатель и артиллерийский корректировщик, рация в салоне есть. Прошу только позволить мне забрать мои вещи из салона.

– Есть оружие? – успел вклиниться в мою речь тот офицер, что заглядывал в салон.

– Да, трофейный пистолет, – кивнул я. – Он там в кобуре сверху на вещах лежит.

– Это приятный подарок, мы его принимаем, – слегка кивнул один из местных старших офицеров, но задать свой вопрос не успел, его опередили.

– На каких самолётах вы летали? – вдруг услышал я вопрос сбоку, на чистом русском языке.

Посмотрев в ту сторону, я почувствовал, как у меня слабнут колени, там стоял мой ведомый, полтора года вместе немцев были. Я и не знал, что он тут был. Это был Лёха Куницын, точно он.

– У-2, Ут-2, Як-18, Ил-10, Ла-7, Ла-9, Ла-11 и... МиГ-15, – всё же справившись с собой, ответил я на русском, причём на чистом русском, без акцента, что заставило того поднять брови. Хотя, думаю, не это его удивило, а последние мои слова. Я должен показать себя для местных незаменимым специалистом, к этому и шёл.

Приметив стоявшего рядом с Лёхой переводчика, я понял, как тот слушал меня, всё же с местными-то я общался на корейском, а бывший ведомый этого языка не знал, ну возможно, кроме нескольких нужных слов. Тот несколько секунд изумленно рассматривал меня, но ничего сказать не успел, у местного начальства были свои мысли и планы, тот старший офицер отдал приказ откатить самолёт в сторону, чтобы освободить взлётную полосу. Только тут я понял, почему было это несоответствие с присутствием большого количества офицеров, оказалось, начальство ожидало прилёта какого-то высокого чина, потому тут и собрались в такую рань. Шум авиационных моторов уже был слышен, вот и поторопились солдаты, под контролем одного из офицеров, откатить самолёт в сторону, ну и колодки поставили. Я заикнулся было о своём имуществе в салоне самолёта, но местный особист успокоил, всё будет цело, там поставили часового, чтобы охранял бывшую технику противника. Войны пока не было, но уже все чувствовали её приближение, это как гроза, что грохочет вдали. Тем более подготовка к ней так и шла, северяне сами хотели атаковать и сделать Корею общей, без северных и южных частей. Ждали только, когда американцы свои части выведут.

Меня забрали особисты, при этом обыскали и забрали нож из ножен. Я успел предупредить, что помню, что находится в салоне самолёта, до последней детали из моих вещей, а моё – это моё, к своей личной собственности я относился ну очень серьёзно. Над этим моим бзиком ещё на той войне смеялись, а потом ничего, привыкли. Знали, попросить, я дам, но с возвратом, брать без разрешения можно, но чтобы обязательно вернули. Говорю же, привыкли. А то так возьмут, заиграют и забудут. Бывало и такое, а это особо бесило. Меня сопроводили в одно из зданий, и один из особистов стал со мной работать, остальные поспешили встречать начальство, самолёт, судя по звуку, «Дуглас», уже шёл на посадку. Особист молодой был, по сравнению с нашими полковыми волкодавами салага ещё, но я особо и не врал, описал всё, как было в истории с Муном, как жил, как учился, как наступила беда и за семьёй Муна пришли, как отец прикрывал, а я с сестрой смог уйти, забрав немногочисленные вещи. Смерть сестры описал и место её могилы, потом отклонился от темы, точнее дальше история пошла уже выдуманная мной. Как с контрабандистами отравился в Китай, но дальше рассказывать не стал. Мол, помогали мне хорошие люди, я не хочу их подставлять. Потом как вернулся, как к южанам попал, побег из Пусана описал подробно, как меня чуть американский солдат

не задавил, и я, проявив наглость, посетил медика в южнокорейской воинской части, заплатив за лечение. Кстати, сообщил, что рана дёргается, и особист вызвал медика, пока я продолжал. Потом описал, как ходил вокруг лётного училища, как велосипед прибрал, что привёз с собой, это компенсация за якобы выброшенные мной вещи с борта судна контрабандистов, и доехал на нём до аэродрома. Тут я всё описывал без утайки, особист заинтересовался, узнав, что отец Муна мастер борьбы и меня тоже учил. Ну и по угону самолёта выслушал ну очень внимательно. Это я описывал, шипя от боли, медик сказал, что швы нужно снимать, подёргав их, после чего ушёл. Закончить с рассказом я не успел, только как обыскивал помещение диспетчерской, особист успел заволноваться, узнав о картах, но тут дверь отворилась, и кабинет заполнился военными, было тут и несколько наших советников. Среди офицеров выделялось несколько с надменным видом, видимо совсем старшие офицеры. Оказалось, чин, что прилетел на аэродром, был генералом, командующим ВВС, с ним были китайские и русские советники.

По привычке вскочив, я вытянулся, глядя на того. Особист то же самое сделал, даже успев раньше меня. С интересом осмотрев меня, генерал спросил на корейском:

– Уставу отец учил или русские?

Слегка подивившись, что местные успели генералу доложить не только о моем прилёте, ага, попробуй не доложи, но мой рассказ, где это всё было сказано, я спокойно ответил:

– В Союзе. Там за любую провинность заставляли строевые проходить с проштрафившимися. Один раз у меня при посадке левое шасси сложилось, винтом бетонную полосу задел, повредив его, командир полка обиделся, криворукой макакой меня назвал. Потом месяц ходил только строем с песнями и отрабатывал теорию посадок.

Генерал засмеялся, мне удалось, припустив в голос обиды, описать неплохой случай, чтобы произвести нормальное, хорошее впечатление. Подобное в действительности происходило со мной, только в декабре сорок третьего, через месяц после того, как я попал на войну, меня тогда на месяц дежурным по полку сделали, и теорию посадок тоже учил. Посмеявшись, генерал уточнил у советского советника:

– Такое могло быть?

Переводчик перевёл вопрос, он также переводил всё, что я говорил, и те, кто не знал корейского, были в курсе того, о чём мы общались. Стоявший у правого плеча генерала светловолосый парень лет тридцати лишь пожал плечами, ответив:

– Всякое может быть, товарищ генерал, но я лично сомневаюсь. Хотя проверить можно легко.

– Это как? – уточнил командующий.

– Провести тренировочный бой. Если он категорически отказывается говорить, где его обучали у нас, то стиль пилотирования сразу покажет, врёт или нет. Я видел на стоянке несколько Ла-7, пусть подготовят две машины, у одной заблокировав вооружение. Проведём тренировочный вылет.

– Хм, а вы заинтересовали меня, майор, – задумался генерал и, с интересом покосившись на меня, добавил: – Я даже решил задержаться и посмотреть на ваш бой. Полковник, обеспечьте.

Начальник аэродрома, думаю, это был он, тут же сорвался с места и, отдав несколько приказов, вернулся, преданно глядя на командующего. Мы все вышли из помещения и направились к стоянке. Там дальше мы с майором оговорили правила боя. Да никаких правил, расходимся и атакуем друг друга. Кто дольше удержится на хвосте другого, тот и победил. Обычная тренировка. Надев шлемофон, что мне выдали, проверил, как держатся очки, и неловко из-за парашюта забрался в кабину, с помощью техника закрыл колпак. Нормальная машина, свежая, плексиглас колпака не пожелтел, видимость нормальная. Дальше, проверив мотор на холостых, я следом за машиной неизвестного мне советского майора вывел свой аппарат на начало взлётной полосы, майор после разгона уже поднимался в воздух, поэтому, тоже дав

газу, я стал разгоняться. Подняв машину, я стал наворачивать круги, следом за противником поднимаясь выше. Наконец тот по радиии сообщил, что высота достаточная, и мы разошлись, после чего, одновременно развернувшись, сигнал отдали по радиии с земли, стремительно атаковали. Первая проверка на характер, летели мы друг на друга, и я не отвернул, это пришлось сделать сопернику, да и то успел в последний момент, иначе таран и обломки полетели бы вниз. Мгновенно развернувшись, я даже застонал от навалившихся перегрузок, слишком резко это сделал, и сразу ушёл вниз, так как майор тоже разворачивался, и завертелась круговерть боя. Тут всё легло в основном на мастерство. Как я ни тренировался в последние дни, но всё же физических данных не хватало, после нескольких перегрузок, что мне удалось выдержать, корпус истребителя тоже стонал от них, сил у меня осталось мало, но мне удавалось и сбрасывать с хвоста соперника и трижды самому заходить. Причём один раз так уцепился, что тот минут пять не мог меня сбросить, в какие только крайности ни бросался. Однако наконец пришёл сигнал с земли, и мы пошли на посадку. Сначала я совершил её, подгоняя машину к месту стоянки, а потом и майор. Мою одежду выжимать можно, сняв очки и шлемофон, я провёл рукой по слегка отросшим мокрым волосам, коснулся зарубцевавшейся раны. Повязку медик снял, пластырь я давно потерял, а новую не накладывал, видимо думал, что я после общения с особистом у него побываю и тот снимет швы. Да ладно, успею ещё.

Потянув на себя шарик ручки запорного устройства, я сдвинул фонарь назад и, отстегнув ремни, с помощью техника выбрался. Помощь мне его была нужна, сам бы не вылез, не сейчас точно. Выложился я всё же изрядно, да и для моего тела такие нагрузки стресс, не привычно оно пока к ним. Меня одно порадовало, встав на крыле, я посмотрел на соперника, что вылезал из кабины своей машины. Гимнастёрка со знаками различия офицера северокорейской армии у майора тоже была мокрой от пота, полоса на спине и пятна под мышками. Значит, заставил я его попотеть, что не могло не радовать. Могём.

Я уже немного пришёл в себя и, наблюдая, как несколько легковушек остановилось около нас и из них вышли генерал и его сопровождение, прыгнул с крыла на бетон полосы и, слегка потянувшись, вернул шлемофон с очками технику и прошёл к сопернику. Тот протянул руку, которую я с улыбкой пожал и услышал от него:

– Хорош, чертяка. Удивил.

– Так что, майор, вы подтверждаете, что парень учился у вас?

– Точно у нас, никаких сомнений. Стил и повадки наши, не путаешь, я сколько лет уже инструктором, разбираюсь. Машину он чувствует как родную, явно не раз в ней сидел. Сколько налёту у тебя на ней? – спросил тот у меня.

– Почти сто часов.

– Об этом я и говорю. Если его кто учил из наших, из тех, что у заклятых друзей живёт, была бы видна однобокость обучения, но тут сразу видно, что обучало несколько инструкторов, причём учили хорошо, с отдачей. Парень отлично маневрировал и правильно реагировал на все мои действия. Это школа, и это наша школа.

– Хорошо, – кивнул генерал и, посмотрев на меня, сказал: – Нам нужны лётчики и нужны опытные инструкторы. Возраст у тебя мал, но для инструкторов годишься. Я помогу получить документы, гражданство, в школу походишь. Заодно переводчиком поработаешь. После собеседования с контрразведкой и другими лётчиками они решат, куда тебя назначить инструктором. Мало у нас лётчиков, учить нужно.

– Благодарю вас, товарищ генерал. Я получу то, о чём мечтал, разве что по школе... Находясь в Советском Союзе, я учился там в школе, закончил восьмой класс. Жаль, документы пошли на дно вместе с теми вещами, что я сбросил с борта контрабандиста, пригодились бы.

После этого генерал отбыл, покинув аэродром – отправился в город, а за меня взялся тот полковник, видимо под его началом я и буду проходить службу. Для начала мне помогли забрать вещи из салона самолёта, причём я достаточно быстро собрал велосипед, там, как я

уже говорил, ничего сложного, проверил натяжение цепи, навесил на него вещи, оружие, точнее пистолет, уже забрали, да вещи мельком проверили, три банки американской тушёнки и одна с рыбой их заинтересовали, но я пояснил, что купил на рынке Пусана, рис и остальное закончилось, а на одном мясе не проживёшь, потому рискнул угнать и вылететь. Поселили меня в казарме, где квартировала охрана, выделив койку. Велосипед я снаружи оставил, к стене казармы прислонил, а вещи где на койку сложил, где в тумбочку. Карты контрразведка уже забрала, включая ту, что в планшете была. Комбезы осмотрели, планшет, бинокль, шлемофон и очки, и оставили мне, пусть моим имуществом будет, тем более мой размер. Остальные вещи и посуду тоже не без интереса изучили, не найдя ничего предосудительного. Но вот столовый нож тоже забрали и стропорез, что я прибрал, когда был в диспетчерской. Забыл про него.

Дальше с сопровождением я сначала посетил медика. Тот снял швы и наложил пластырь, пока так похожу, потом была столовая, позавтракал, и снова к особистам. Вот там и началось самое тяжелое, особо никаких методов ко мне не применяли, но работая совместно, и советские особисты, и местные, в перекрёстных допросах серьёзно насели на меня. Выдержал всё же, смог остаться вне подозрений, но особисты всё равно подозревали, на что я не особо опечалился, работа у них такая. Вот так весь день, с перерывами на обед и ужин, и прошёл. За мной записывали показания да заставили самому написать их, в двух экземплярах, на русском и корейском. Наши спецы и так и эдак крутили меня, чтобы выяснить, в каком авиационном полку меня обучали – то, что в истребительном, уже догадались, как и кто тот знакомый отца, что этому поспособствовал. Причём упирали на то, что вряд ли такое знакомство может заставить знакомого отца Муна пойти на такие должностные преступления. Всё же как ни крути, но ресурс техники и топлива тратить на кого попало не будут, нужна была мотивация. Вот и пытались у меня вызнать её. Профи работали, признаю, поэтому, не выдержав, я устало вздохнул и попросил оставить меня с одним из советских специалистов один на один, то, что я скажу, не для чужих ушей. Ну и пояснил ему свою версию, пусть ложную, но она хоть как-то объясняла, снижая недоумение и подозрительность спецов. В общем, я пояснил, что, сбегая из дома, забрал накопления отца, он сам велел это сделать, объяснив, для чего нам с сестрой это нужно. Запасы в золоте были. Знакомство отца и того советского офицера действительно было поверхностным, чтобы так помогать мне, но золото выручило. Знакомый был уже генералом, он просто отдал приказ командиру одного из своих полков обучить меня, и тот выполнил, вот и всё. Спец скривился, но эту мою версию принял, такое как раз могло быть, вполне укладывалось в мой рассказ. Только вот это в рапортах отображать я отказался, и вообще, если повторно об этом попросят рассказать, ничего не скажу. Не хотел навредить хорошим людям. Неприятно врать, но ничего не поделаешь, пришлось.

Уже темнеть начинало, когда спец под конец допроса спросил, почему отец Муна вдруг решил из него лётчика сделать и золото для этого копил.

– Не для этого. Золото нужно было нам, чтобы устроиться в Советском Союзе, а знакомый отца мог пособить с этим. Только сестра умирала, а я всегда мечтал летать, вот и решил, буду учиться, и так сделал, я готовился к войне с южанами, учился. Даже отдельную специальность лётчика-штурмовика изучил. Правда, налёт на Ил-10 у меня всего чуть больше пятидесяти часов.

– Ты их так сильно ненавидишь? За отца и мать мстить хочешь?

– За сестру тоже, но честно скажу, на южан мне наплевать. Ведь если будет война, войска ООН в стороне не останутся, будут участвовать, а я люто ненавижу американцев. Воевать я буду против них, к этому и готовился.

– Причина такой ненависти? – насторожился тот.

Остальные, что вернулись после того, как я со спецом пообщался, тоже насторожились.

– Это моё дело. Скажу лишь, что ненависть ест меня изнутри, и американцы это заслужили. Надеюсь штурмовиком стать, чтобы их «эрэсами» и бомбами накрывать, штурмовать

тварей, чтобы их к нам в плен как можно меньше попало, и в гробах твари домой отправлялись, радуя семьи своим грёбаным патриотизмом, – последнее я скорее не говорил, шипел от ненависти.

– Хм, учтём, – переглянувшись со своими корейскими коллегами, пробормотал спец. – Американцы – ладно, это твоё дело, а что по южнокорейским войскам, не будешь атаковать?

– Почему? Прикажут, легко. Просто если рядом будут стоять американцы, атакую сначала их, для меня это первоочередная цель.

– Ладно, потом поговорим об этом, на сегодня достаточно, сейчас тебя проводят в казарму. Завтра продолжим.

Спец не обманул, следующие три дня я только и делал, что общался с особистами, а потом резко как-то всё прекратилось, хотя те и выжали меня досуха, однако от своей версии я не отступил и придерживался только её. Причина, почему от меня отстали, я думаю, в приказе сверху, меня как будто всего осмотрели, внутри и снаружи, вывернув наизнанку, взвесили и решили, что я им подхожу. Поэтому когда за мной пришёл адъютант полковника Пака, мы с ним однофамильцы были, командира истребительного полка, что тут стоял, я не сразу понял, что от меня хочет этот офицер, но всё же слегка заторможенно кивнул, последние допросы были самыми тяжёлыми, ладно хоть физические методы не применяли, и, встав со стула, поправил комбез и направился следом. После первого дня я последующие ходил в трофейном лётном комбинезоне, споров нашивки того училища. А что, светло-зелёный, вполне симпатичный, и мне подходил. Свою пропотевшую после тренировочного полета одежду я постирал, выгладил и убрал в сидор.

Провели меня в кабинет полковника, где тот пригласил усаживаться. Без особых предисловий тот пояснил причину вызова:

– Проверка закончена, и было принято решение относительно тебя. Пока примем тебя вольнонаёмным пилотом-инструктором, сам осмотришься, мы к тебе присмотримся, потом по оформлению документов уже примем на постоянной основе. Окончишь офицерские курсы, они у нас полгода длятся, получишь звание офицера.

– Благодарю, товарищ полковник, – вскочил я со стула.

– Сиди, – отмахнулся тот. – Я ещё не закончил. Значит, сейчас пойдёшь, сделаешь фото, получишь документы вольнонаёмного работника. Пока временные, завтра уже изготовят постоянные. С ними можешь жить как на территории аэродрома, так и в городе. Мой адъютант поможет написать заявление на предоставление гражданства, он же отвезёт его в нужную службу. Также поможет тебе оформиться в школу, нам нужны грамотные офицеры. После оформления документов вольнонаёмного получишь документы с инструкциями, пройдёшь проверку летных и технических знаний, а также собеседование с ответственным офицером по технике безопасности. Это ещё не всё, твой прилёт вызвал шумиху, нужно отреагировать, пообщаешься чуть позже с корреспондентами. Перед этим тебе пояснят, что и как нужно говорить. На этом всё.

– Благодарю, товарищ полковник, – встал я, сообразив, что аудиенция окончена.

Выйдя в приёмную, я вместе с адъютантом прошёл в другой кабинет, где под его диктовку написал несколько заявлений. Сначала на работу в полку вольнонаёмным, на должность инструктора, и пока я писал следующее, тот отнёс его в отдел кадров. Пришлось ещё фотографа полкового посетить. И уже через час я имел на руках временное удостоверение пилота-инструктора. Завтра получу уже нормальное, с моим фото в нём, а также пропуск на территорию военной части, коей являлся этот аэродром. Остальные заявления адъютант забрал и уехал, их ему нужно развезти по организациям, а за меня взялись те самые особисты, оказалось, текст с теми ответами, что я должен был говорить, уже написан. Хм, ну ладно, это их дела, политика, я понимаю. Кстати, тут было указано, что я тайно обучался в Союзе, смысла не

было это скрывать, я сам при множестве свидетелей об этом сообщил после посадки, просто это закрытая тема. А так да, обучался. Сразу после этого меня повезли на штабной машине в столицу, в штаб ВВС, где и было всё организовано. Час мучений, но я ответил на все вопросы, позволив себя сфотографировать, а я всё так же ходил в трофейном комбинезоне, что было отмечено прессой. Тут и советские корреспонденты были, всего двое. Это странно, так как большинство военных советников в Корее имели документы представителей ТАСС. Ну да ладно, меня отвезли обратно, и я оказался предоставлен сам себе. Завтра с утра меня ждут для проверки моих возможностей, а также буду изучать инструкции и расписываться. Да обычное дело, видно, что формируют части тут по советским стандартам, а пока я свободен.

Для начала, вернувшись из столовой, обед хоть и поздним был, полдник практически, но всё равно покормили, так что я стал с ходу решать бытовые проблемы. В казарме спать среди солдат охраны я не хотел, да и койку мне выделили временно, вот ножи, например, вернули, пистолет нет, поэтому я решил обустроиться тут же на территории, надеюсь, тут есть отдельные квартиры для офицеров. Квартиры были, и все заняты, да ещё очередь была. Я записался в неё, вон, шесть домов и отдельно гостиница строились, но когда ещё закончат, так что придётся снимать комнату в городе. Для начала я посетил бухгалтерию, показав документы пилота-инструктора, и попросил выдать аванс. Бухгалтер сначала начальству позвонил и, получив добро, выдал мне вполне приличную сумму в вонгах. За месяц вперёд. Новые банкноты, недавно ввели в обращение. Тот так и сказал, хватит оплатить за три месяца жильё, или за два с приобретением продовольствия и своей готовкой. Покинув здание штаба, я дошёл до казармы, где, оседлав велосипед, покинул территорию аэродрома и покатил в столицу. Нужно где-то тут поблизости жильё снять, так многие делали. Советники в основном на аэродроме жили, но те, что из корейцев, проживали в городе с семьями, ожидая, когда достроят новые дома.

Разогнавшись с уклона, я поглядывал по сторонам, радуясь скорости, ветру в лицо, свежему воздуху, да и вообще всему. Первый этап прошёл, как я и спланировал, мне удалось если не попасть, то закрепиться на первоначальных этапах в ВВС Северной Кореи. Теперь предстоит второй этап, пока идёт время до начала войны, поднять свои физические возможности и навык пилотирования, я должен быть готовым к началу. Дальше уже третий этап, сама война. Посмотрим, как получится. Вот так раздумывая да рассматривая дома той улицы, по которой я ехал, мысленно хвалил себя за отличную идею. Личной техники у жителей было очень мало, в основном велосипеды и реже мотоциклы, я уж не говорю про автомобили. Мотоциклов по сравнению с ними было куда больше. Так что свой транспорт тут это не только нужная вещь, но и вполне роскошь, показывающая достояние владельца.

Время от времени останавливаясь, я уточнял у прохожих, старался обращаться к женщинам, где можно снять комнату, если есть, желательно с отдельным входом и своим водопроводом с канализацией. Не сразу, я просмотрел три предложения, что меня не устроили, но всё же нашёл вполне неплохое помещение. Самое главное, обстановка по европейским стандартам, а не минимум, как принято у корейцев. Раньше в пристройке жил советский советник из комендатуры. Для начала пристройка была качественная, из двух комнат. Помещения меблированы. Первое – это кухня, столовая, гостиная, да и вообще прихожая в том числе. Сюда можно закатывать велосипед и держать его. На кухне имелаась дровяная печь, только топить нечем, это мне самому покупать придётся. А дрова дорогие. Так вот, печь была, раковина с водопроводом, буфет и стол, его можно использовать как для готовки, так и для приёма пищи. Втроём можно сесть за него, правда стула было всего два. Тут же имелся диван у противоположной стены и коврик на полу. Это всё из наличной мебели. Второе помещение являлось спальней, стояла кровать, неплохая панцирная. Бельё имелось, два комплекта постельного. Тут же был шкаф, небольшой письменный стол и ещё один стул, циновка на полу и старый, уже выцветший ковёр на стене. Окна выходили во двор. Сортир тут же во дворе. Да и вообще, чтобы попасть в него

и оказаться у двери этой жилой пристройки, нужно пройти по длинному коридору между двух зданий, отмечу – узкому коридору, с велосипедом тут тяжело, и будет дворик, куда и выходили двери этой жилой пристройки да задняя дверь хозяйского дома. Зато отдельный вход с улицы, не надо через хозяйский дом проходить. Теперь по хозяевам, женщина, вдова, имевшая двух маленьких детей, только-только в школу пошли. Ничего так, миловидная, фигуристая, очень даже симпатичная. Не знаю, где она столько мебели смогла найти, всё же для местных та не привычна, но я был доволен. По опросу вдовы я понял, что она пристрой оформила специально для европейцев, те платили больше, но вот долго клиента не могла найти и решила сдать комнаты мне. Немного поторговавшись, я оплатил за два месяца вперёд, цена меня устроила, получил ключи от двери и от калитки, за которой и был выход на улицу, и, забрав велосипед, покатил в часть, нужно вещи забрать и закупить продуктов. Да, и печка мне сейчас не нужна. Куплю примус, на нём буду готовить, керосин для него уж найду. Мне калорий нужно много, буду в столовой питаться, там в основном рыба да рис, и у себя, чтобы вес набрать. Мне это нужно. Да, и полы нужно отмыть в комнатах, традиции Кореи и для меня были святы, пол священен и должен содержаться в чистоте.

У штаба меня перехватил дежурный, сообщив, что подготовил все инструкции, можно начать изучать, только выносить их из кабинета запрещено, вот я ему и пояснил, что обживаюсь, если время есть, завтра этим займусь, как и планировал. Тот подтвердил и, уточнив мой адрес, внёс в книгу учёта, а также данные хозяйки дома записал, где я буду квартировать, а я, забрав свои вещи, сначала скатался на место постоя, где сложил их пока на диван, а потом, прихватив пустой сидор и котомку, поехал на рынок – где он находится, мне хозяйка пояснила. Сама она собиралась на работу, в больнице работала, медсестрой в ночную смену. Жаль, я уже хотел конфет купить и бутылочку «Макколли», рисового вина, пригласить, так сказать, на новоселье, может, что и получится. Вдовая, наверняка давно без мужского внимания. Я сам так давно был без женщин, что уже и забывать стал, что это такое, вот только гормоны нового тела напомнили, и это уже становилось проблемой. Ладно, ещё что-нибудь придумаем, а пока приналяжем на педали, нужно на рынке до закрытия побывать, вечер всё же.

Поездка на рынок ничем примечательным не выдалась. В принципе, наличка мне особо и не нужна была, если только мелочёвка, так что можно потратить всё. В столовой кормили бесплатно, хоть я и вольнонаёмный работник, я уточнял этот момент, меня внесли в список. Уточнял у того дежурного, с коим общался час назад, и также уточнил у него по планам начальства насчёт меня. Тот и сам точно не знал, но хотя бы подтвердил, что учить я буду не желторотых птенцов, а преподавать искусство высшего пилотажа и боевого маневрирования молодым офицерам, только-только прибывшим из военных училищ, буду помогать им набирать опыт. Мой бой с тем майором видели почти все лётчики, что находились на аэродроме, и успели оценить высоту моего мастерства. Как тихо сказал дежурный, не все имеют такой класс пилотажа среди корейских или китайских пилотов, которых в полку также немало, это тоже может вызвать зависть. Стоит побережться. Правда, на какой технике обучать буду, тот не знал, это выяснится завтра после общения с замполка по лётной части одного из двух полков, что дислоцировались на этом аэродроме. И да, я числился в истребительном, второй бомбардировочный был, я там почему-то и «илы» видел. Двадцать штук стояли в ряд.

Так вот, по поводу местного рынка. Для начала я купил канистру керосина и хоть и использованный, но рабочий примус. В сидор убрал последний, а канистру на раме закрепил и, ведя велосипед за руль, направился по рядам дальше. Потом купил зубную пасту, та, что я в Пусане купил, к концу подходит, взял соли пару кило, капусты три вилка и овощей полмешка, мёда две банки, чаю, крупный такой узелок, две буханки хлеба, нашёл, где продают из-под прилавка тушёнку, уже советскую. Купил четыре банки. Последним взял мешок риса, а что, пусть будет, приправы-то тоже взял, связку красного перца не забыл, мне в последнее время стала нравиться острая пища, тем более желудку привычна, и, толкая, покатил обратно.

Деньги почти все ухнул, мелочёвка осталась, но продовольствия, если так посмотреть, закупил более чем на месяц, и это хорошо, запасы всегда нужны. Добрался до снятого жилья я достаточно быстро, час, пешком же, и застрял в проходе к дому, мешок не дал проехать. Пришлось запирать калитку и в три этапа переносить все покупки на кухню, а потом и велосипед завести. В дом не стал, снаружи к стене прислонил.

Посмотрев на часы, время ещё было, я стал обустраиваться. Всё продовольствие и утварь сложил в буфете, канистру у порога поставил, проверил примус, вскипятив чаю в кружке, хозяйской кухонной посуды тут не было, своей пользовался, чай неплохо с мёдом пошёл. Одежду разложил в шкафу спальни. Не так и много у меня её, обычная гражданская, стиральная, напому, запасной комбез, второй на мне, и ботинки, сам я в сандалиях ходил, жарко. А хорошо, что комбезы есть, я же вольнонаёмный, никто меня на довольствие ставить не будет, всё сам. Потом стал мыть пол, три раза прошёл, пока результат меня не удовлетворил. Уже наступил ужин, так что, закончив расстилать постель – пока накрыл кровать покрывалом, – я проверил всё, выключил свет в спальне и, заперев входную дверь, забрал велосипед и покатил к аэродрому. Вечер, столовая должна работать. Успел вовремя, ещё не закрыли, так что, поужинав одним из последних, как и планировал, я, придерживая висевший на правом плече сидор, направился в сторону казарм, где, как я видел, квартировали военные советники. Постучавшись в первую же попавшуюся дверь, дождался, когда она откроется. Вышел незнакомый мне парень, хотя среди советников я его видел.

– О, чего тебе? – удивился тот.

– Я же из Союза недавно прибыл, в полку теперь, жильё снял, представиться пришёл, свои же люди.

– Традиции знаешь, – усмехнулся тот. – Заходи.

Оббежав соседние номера, тот вызвал ещё парней. Посмотрев, сколько набилось народу – двенадцать было, включая того майора, что меня экзаменовал, – я достал из сидора вторую бутылку водки, одной точно не хватит. «Столичная», дорого стоит. Помимо советской водки, достал местную. Национальный напиток, соджу называется, крепость как у нормальной водки, правда была всего одна бутылка. На пробу купил. Потом достал буханку чёрного хлеба, один из парней сразу стал нарезать, и шмат солёного сала, что вызвало одобрительные восклицания, духовитый тот был, с чесноком, пару головок чеснока и луковиц встретили не менее восторженно. В общем, быстро соорудили стол и разлили по первой, я тоже держал стакан в руке, хапнули первый тост – за тех, кто не с нами.

Чтобы разрядить обстановку, я сказал:

– Свежий анекдот. В полку рассказали, прежде чем я уехал. – Все замолчали и прислушались, так что я продолжил: – Значит, так... Поймали чукчу за кражу золота. Милиционер допрашивает, а переводчик переводит. «Куда спрятал золото?» – спрашивает милиционер. «Он говорит, не брал», – отвечает переводчик. «Скажи ему, – говорит милиционер, – если сейчас же не скажет, то прикажу его расстрелять». «Он говорит, не скажешь, где золото, стрелять тебя немножко будет», – сообщил переводчик чукче. «Под ярангой в кувшине зарыл», – признался вор. «Он говорит, – переводит переводчик, – стреляй! Все равно не скажу».

Это действительно разрядило обстановку, и дальше стало веселее, окно открыли, потому как многие закурили и было не продохнуть. Двух бутылок всё же было мало, кто-то принёс канистру с местным мутным пойлом, и продолжилось веселье. Ох и оторвался я, за все двадцать пять лет, а ведь обещал ни капли в рот после того, как супругу свою схоронил, но сейчас можно, даже нужно. Только сегодня, больше не буду, потому как я считаю, алкоголь для лётчика – смерть, для истребителей тем более. А посидели действительно хорошо. Вон, те из парней, что уже давненько тут, всё выпрашивали у меня, где я такую шикарную закуску достал, и сильно изумлялись, когда узнавали, что на местном рынке. Надо правильно формировать в словах свои желания, а как они спросить могут, если по-корейски ни в зуб ногой? Надо пере-

водчиков брать. Потом мы песни попели, помню, корейские парни заглянули, из летчиков и офицеров. Помню, я громче всех горланил песню «Три танкиста», приобняв сидевших рядом парней, покачиваясь с ними в такт с боку на бок, особенно по несколько раз выводил, как решили узкоглазые перейти границу у реки. На этом всё, больше ничего не помню, всё же организм у Муна был для алкоголя слабоват, перепили меня.

– Мун, – почувствовал я, как меня трясут. – Мун, вставай.

Говорили на русском, кто-то из парней, с которыми я вчера отмечал мою службу и новоселье.

– О-о-о, – застонал я и, держась за голову, сел. – Кажется, у меня началась птичья болезнь.

– Это что за болезнь такая? – удивился тот.

– Перепил называется.

Заржав, тот предложил мне подлечиться. Я взял протянутый стакан, на донышке которого действительно колыхалась мутная жидкость, это самогон был, парни гнали, и, передёрнувшись, но зная, что это действительно лекарство, одним глотком закинул в себя живительную жидкость. Лежал я на полу, по бокам ещё двое похрапывали, слева дежурный полка, помнится он говорил, что сменился, слева Антоха, из советников. Ага, это мы в соседнем номере, кровати заняты были, так нас на полу расположили и одеялом накрыли, понятно.

– Ты вчера просил поднять, мол, в девять утра нужно в штабе полка быть, – пояснил мне Сергей, так звали хозяина этой комнаты, которую он делил ещё с кем-то, уж не помню с кем.

– Точно. И ведь обещал, что больше пить не буду, для лётчика спиртное смерть, но традиция, куда деваться, – проворчал я и, вернув стакан, осторожно встал, голова уже не так шумела и колокола били потише.

– Спиртное смерть, это да. Так у тебя же нет запланированных вылетов сегодня?

– Это точно, нет, инструкции изучать буду, сдавать, да остальное. С лётчиками полка поговорить, с замполка по лётной части пообщаться. Он теперь мой прямой командир получается.

– Твой командир в соседней комнате спит, не смог уйти на своих, пришлось тут положить, так что общение ваше на сегодня откладывается. Вряд ли отойдёт. А вообще ты молодец, совместная пьянка сближает, а то мы сами, они сами, хоть нормально общаться стали, вчера было видно. А по поводу пить не пить, ты из корейцев последним лёг, ещё песни орал, говорил, что шикарную песню про лётчиков-истребителей знаешь. Только спеть не успел, уснул. Правду сказал или нет? Мы вчера полночи спорили по этому поводу.

– Есть песни, даже несколько. Один парень написал, Вова Высоцкий, москвич. В следующий раз спою, только, чур, если и буду пить, то чисто символически.

– Хм, там посмотрим.

– Ну хватит бухтеть над ухом. Хотите поговорить, идите наружу, – недовольно проворчал Антон и завозился, переворачиваясь на бок.

– Да, действительно, пора.

Покинув комнату, я забрал велосипед, он тут стоял, рядом с казармой охраны. Пустой вещмешок был прицеплен к багажнику. Заехал в штаб, стараясь не попадаться на глаза офицерам, через помощника дежурного передал, что у меня проблемы с жильём возникли, займусь ими. Но после обеда буду как штык и всё сделаю. Тот понимающе усмехнулся, приняв хавшись, но пообещал прикрыть, так что я рванул домой, а теперь это съёмное жилище можно смело на два месяца называть домом, и думаю, до начала войны, если полк не сменит место дислокации, я так и буду там жить, понравился мне тот пристрой.

Добравшись до места, не снимая запачканный, в пятнах комбинезон, я напился чая и стал делать зарядку во дворе, места хватало. Сначала туго шло, а потом нормально, разошёлся, только пил много, но и потел изрядно. Следом на отработку ударов перешёл. К обеду сварил

рисовую похлёбку с тушёнкой, плотно поел, а потом снова за тренировки. Хорошо пропотел, но пришёл в себя. Помывшись, налил воды из крана в тазик и омылся губкой, я её на рынке купил с куском мыла. Надев свежий запасной комбинезон на голое тело, грязное нательное бельё и такой же грязный основной комбинезон бросил отмачиваться в тазике и, забрав велосипед, покатил на работу, теперь я был в полном порядке. Обувь ту же оставил, сандалии, жарко.

В штабе полка моему появлению удивились, свежий, с румянцем на щеке, но показали, где что, и я засел за инструкции. Я же говорю, всё советского образца, всё знакомо. Кроме них были методички по знакам различия и званиям, как южан, так и северян. Я это тоже мог изучить, но не обязательно. А я изучил, запоминая. Заместитель командира полка по лётной части так и не появился, я сдал нормативы по инструкциям одному из офицеров, а потом прошёл инструктаж у начштаба по технике безопасности, и тот поставил отметку в личном деле. В принципе за два часа я всё сделал, а распоряжений насчёт меня не было, я уточнил у дежурного, поэтому направился в сторону трех ангаров. Там, распахнув их нараспашку, чтобы ветерок духоту разгонял, работали техники с несколькими истребителями. Кстати, один из них был японским, старая модель «Тип-3». Ещё один был в процессе сборки. Это я про ангар. Пообщавшись с техниками, познакомился, это нужно, даже обязательно, всё же жизнь лётчика зависит от того, как техники будут обслуживать машину, нужно знать, каковы они, кто лучше, кто хуже. До ужина там время провёл, дежурный, если что, знает где, а потом, поужинав в столовой, это тоже одна из причин, почему задержался, халявная еда, и забрав велосипед со стоянки, у казарм была специальная стоянка для них, покатил домой.

Там после стирки развесил одежду сушиться, тут верёвки бельевые имелись, до самой темноты занимался. Техники в ангаре мне сделали самодельные гантели и гирию, гантели по пять кило, гирия десять, так что не только занимался, ну и гирию тягал. Правильно это делал, как требует инструкция, чтобы не повредить себе ничего. Между прочим, в прошлой жизни я был кандидат в мастера по гиревому спорту. Как лётчик-профессионал я скажу, это необходимо заниматься лётчикам, чтобы быть в отличной форме. К тому же у входа в сарай была железная труба, я проверил, сидит намертво, вот и турник, попробовал, нормально, надо только наждачной бумагой пройти, а то ржавая, и можно «солнышки» крутить. А подтягиваться и сейчас уже можно. Мой режим тридцать, я подтягивания начал, делая это на ветке дерева, ещё когда самолёт планировал угнать, наблюдая со стороны за аэродромом.

После тренировки доел похлёбку – и чтобы не испортилась, и мясо всё же, – и, приведя себя в порядок, почистив зубы, направился на боковую. Вот так у меня окончился пятый день нахождения на территории Северной Кореи. Пока всё устраивало.

Утром попил чаю, я позавтракать планировал в лётной столовой, и покатил на рынок, по этой причине и встал пораньше. Двое парней из наших попросили закупить им там: и картошку надо, и сало хотят, чего только нет, – деньги выдали в мятых купюрах. Я уже пьяный тогда был, велел списком написать, мне и написали, я его среди купюр обнаружил. Ещё удивился, откуда деньги взялись, забыть успел, вот список память и освежил. Гуляя, я сначала купил джутовый мешок, они дешёвые, и складывал в него всё, что удалось прикупить, и сало взял, хлеб ржаной, не знаю, откуда он тут взялся, и водки шесть бутылок, включая три соджу, и остальное. Там овощи, лук, чеснок, огурцы были, картошки нашёл, взял три кило. Пару кочанов капусты, и китайскую взял для пробы. Мешок полный был, на велосипеде так и довёз до ворот, там его проверили и пропустили. Выглянувшие на стук парни удивились и начали отнекиваться, они тоже забыть успели, напомнил списком, предъявив его. Признали, их почерк. Так что, сдав покупки и вернув сдачу, отмахнулся от благодарностей и направился в штаб. Особо не спешил, до начала рабочего дня, а это девять часов, полчаса оставалось, успею позавтракать. Действительно успел, а потом направился в штаб, где дежурный перенаправил меня в нужный кабинет. А там две новости, с гражданством всё нормально, вскоре получу, удостоверение личности

через четыре месяца, по достижении шестнадцати лет. Отказались мне год лишний приписывать. Но не это главное, сейчас идут экзамены в школах, вот с одним из директоров и договорились, что я сдам у них экзамены за восьмой класс. Приплыли. И всего два дня на подготовку. Ладно, с переносом память освежилась, помню, как сам учился, и есть воспоминания Муна, надеюсь, поможет.

* * *

– Построиться! – приказал я, хмуро рассматривая шесть молоденьких офицеров.

Неоперившиеся птенцы, только-только из военных училищ. Почему-то с момента моего попадания в полк так повелось, что, в отличие от советских специалистов, я получал одних недотёп и разный неликвид. Я не скажу, что они соображают плохо, или ещё что, но по количеству попаданий в разные неприятности мои ученики впереди всех. Таких выявляют ещё в училище и распределяют по инструкторам в полках. Так-то те уже числились ведомыми или ведущими в парах разных звеньях и эскадрильях, но тренировку и спаиваемость во время полётов – это дело инструкторов, нам нужно сделать так, чтобы во время боёв молодёжь не терялась, хотя бы не отставала от ведущих. В общем, мы подтягивали их в лётном пилотировании, постепенно давая высший пилотаж и боевое маневрирование. Эта группа за тот месяц, что я работаю в этом полку, уже вторая. Первую я учил всего три недели, и как только начали проявляться результаты, а парни учились с полной самоотдачей, так у меня их забрали и распределили по другим эскадрильям и полкам. Не в нашей части, те отправились на другие места дислокаций разных авиачастей. Эта шестёрка уже нашего полка пилоты, их оформили, в отличие от первой группы. Я больше скажу, комполка, что меня вызвал к себе, сообщил, что вся шестёрка будет служить в одной эскадрилье, они все ведомые более опытных пилотов, что станут ведущими и командирами звеньев. Первую группу я тренировал на Ла-9, а вот эта уже будет летать на Ла-11. Машины им для вновь формирующейся отдельной эскадрильи, приписанной к нашему полку четвёртой, уже выделили. Эскадрилья считалась истребительно-бомбардировочной, то есть и наносить удары по наземным целям будут, и смогут драться с противником в воздухе. Срок мне дали два месяца. Если так подумать, то хватит, даже вполне, вот и будем работать.

А так этот месяц интересно прошёл, тут и сдача экзаменов в школе, средний балл, но сдал все, обживание, учёба, редкие экскурсии по городу, столицу изучал, купался на пляже у реки, уже можно. Жаль, до моря добраться не успел, все выходные заняты были, хотя тут близко, рукой подать. Вот с хозяйкой моей, как ни странно, с того момента, как я оплатил за жильё за два месяца вперёд, так больше и не виделся. Детей её видел, одно окно дома во двор выходит, мелькали, выглядывали, глядя, как я занимаюсь, а её нет. У нас режим работы не совпадал. Да ещё учёба и работа так закрутили, что мне просто было не до противоположного пола, и тренировки до изнеможения гасили гормоны.

Закончив знакомиться с офицерами – те вчера прибыли и обустроились в казарме, – я сказал вступительную речь, чего я от них жду, и сообщил, что обучение у них начнётся с кросса, а потом будет спортгородок. Я хочу знать, чего они стоят в плане физических возможностей, это поможет мне решить, кому усилить нагрузки, кому, наоборот, начать. Будущие боевые лётчики не роптали, видимо уже узнали в казарме мой стиль работы, так что побежали. Сначала в казарму, переодеться в спортивное трико, то есть трусы и майки, а дальше кросс и спортгородок. Так наблюдая за парнями, сам не отлынивал, с удовольствием занимался на перекладинах, я вдруг замер и прислушался. Очень знакомый звук двигателей. Я не я буду, если это не МиГ-15, которых до этого момента на нашем аэродроме отродясь не было. Причём по звуку ясно, что шло несколько машин. Сразу видно, идут на посадку. Четыре машины.

Даже группа бросила занятия и глазела на стремительные силуэты «мигарей», которые шли на посадку – к нам, похоже, звено перекидывали, вроде говорили что-то такое в штабе,

группа перехвата у нас будет дислоцироваться, защищать небо столицы, но не уточняли, что это будут «пятнашки» и всего звено. Может, это просто первые ласточки? А вообще странно, прежде чем перегонять сюда реактивную технику, нужно создать тут требуемую инфраструктуру, а ничего подобного тут не было, всё чисто для поршневых машин. Дивясь на это, тут я заметил, что лётчики отлынивают, и продолжил учёбу, после обеда у нас по плану пилотирование. Взлетать не будут, все действия они будут отрабатывать до автоматизма в кабинах, чтобы знать, где что находится. Лётчикам эти машины были незнакомы, сегодня они их увидят впервые и познакомятся со своими механиками. Там командир эскадрильи будет присутствовать. С ним и ведущими молодые пилоты уже были знакомы. И да, согласно составленному нами с командиром эскадрильи графику, учить работать в кабинах молодых пилотов будут их ведущие. Это и лётчикам знания, и им дополнительная практика. Хотя получше познакомятся со своими ведомыми. Мы так договорились, и тот был со мной полностью согласен, а ведь нужно учесть, что он и сам лично будет учить своего ведомого, понимал, что в бою это может стоить ему жизни. Чем лучше выучит, тем больше шансов выжить.

Всё же «миги» прилетели к нам, и дислоцироваться у нас будет целая эскадрилья из двенадцати машин. К полудню на аэродром прибыла колонна грузовиков, техника, механики, командование и всё, что требовалось для обслуживания этих машин. На складах начали запасаать боеприпасы для «мигов». В отличие от других лётчиков, я не стал ходить к этим машинам и изучать их, зачем, я их и так до последнего винтика знаю, а потому закончил занятия на сегодня, то есть передал группу командиру эскадрильи – ознакомление с машинами, теорию пилотирования в кабинах те будут проходить без меня, я на начальном этапе просто не нужен, поэтому сходил к техникам в ангар, они мне должны были помочь с одной штукой, а именно сделать кастет. Оружия у меня не было, не считать же им нож, что я ношу на бедре, чтобы на виду не был, поэтому кастет будет.

Причины, чтобы получить его, были достаточно веские, я, конечно, достаточно неплохо подготовлен как боец, и даже нашёл пару парней из корейцев, знающих этот стиль, а мне нужны спарринг-партнёры, мы совместно тренировались на площадке из песочной подушки за спортгородком, но всё равно лучше иметь козырь. Так вот, кастет мне нужен для усиления удара, да и чтобы руки не травмировать, всё же я лётчик, и несмотря на это, за мной ни одной машины так и не закрепили, летаю на дежурных, сопровождаю учеников в воздухе во время боевого пилотирования и подсказываю по рации как, что нужно и где у них ошибки. Обычная практика, советские советники так же поступали. Три дня назад у меня увели велосипед, я уже перестал закатывать его в дом, двор закрытый, чего бояться, вот и увели, взломали калитку и укатали. Вчера я его нашёл, случайно увидел, как парень моих лет катит на нём, выследил, попытался забрать, действуя по закону, но мне посмеялись прямо в лицо, брат вора был полицейским, он и меня-то не привлёк, потому что я работал у военных, пусть вольнонаёмный, но всё же. В общем, как тот сопляк сказал, у кого сила, тот и владеет, вот я и решил, будет по их, но мне нужен кастет, дружков у сопляка с десяток. Справлюсь, но удары должны быть убийными, чтобы ударил, и не встали, не хочу противника оставлять за спиной, эти шакалы и со спины напасть не постесняются.

– Ну как? – уточнил я.

– Готово, можешь померить, как влитой должен войти, – ответил тот и, вытирая руки тряпкой, сказал: – Я вообще удивлён такому заказу, как в детстве делали, было дело. Слуцилось что?

– Да так, надо показать одним соплякам, кто прав, а кто нет, – пробормотал я, примеривая кастет.

Механик, к которому мне пришлось обратиться, был старшим бригады, он оказался настоящим мастером, отличный кастет, вылизанный точно по руке. Таким при ударе повредить кисть – это постараться нужно.

– Я вижу, что ты не просто так эту штуку заполучить решил. Рассказывай.

Пожав плечами, я без особых сомнений описал, что у меня произошло.

– Значит, брат полицейский? – задумавшись, пожевал тот губами. – Что-то я никогда не слышал о такой наглости. Знаешь, а сходи-ка ты к нашему полковому особисту, это как раз для него работа.

– Вот ещё, сам справлюсь, – отмахнулся я. – Ладно, спасибо за игрушку, держи, как обещал.

Механик работал не просто так, сторговались мы за моток олова, оно сейчас в дефиците тут, а мне этот кусок бесплатно достался. Парни подарили, когда я на гитаре исполнил «Я як-истребитель» и «Песню лётчика-истребителя». Аншлаг был полный, эти песни мигом распростирались по всем авиаполкам и отдельным эскадрильям, где есть наши советники. Зачем мне это олово сунули, и кто, чтобы вернуть, я не знаю, потом уже нашёл в кармане, а тут, гляди, пригодилось. Ещё раз поблагодарив механика, я покинул ангар, а этот старый кореец, убрав плату в верстак, направился помогать бригаде, у них там, как всегда, аврал, один молодой лётчик сел так, что повредил шасси, сейчас идёт восстановление машины.

Следующий час я работал в штабе, оформлял некоторые бумаги и писал докладную записку своему начальнику, раз я вольнонаёмный, то начальник, а не командир, тут-то в кабинете меня и нашёл наш особист, с ходу поинтересовавшись:

– Что там за история с велосипедом? Рассказывай.

Поморщившись, я всё же без утайки всё рассказал, а вот особист изрядно озаботился, взял с меня слово не лезть в это дело, пообещав вернуть велосипед, координаты, где я видел ту банду малолеток, взял и быстро ушёл. Пожав плечами, я продолжил работать, потом посетил своё начальство, что задёргалось, увидев меня. Простить мне не может, что я в прошлый раз через его голову к комполка обратился. Дело в том, что я написал служебную записку, описывая разницу в рационах советских лётчиков и корейских, и что будет в итоге. Мой начальник записку дальше не пропустил, кто будет для корейских лётчиков высококалорийную еду покупать? Вот и пришлось через него. И, что удивительно, были проведены тренировочные полёты, и всё подтвердилось, хотя об этом вроде как и так знали, просто не обращали внимания, советники даже в одиночку против групп выходили победителями. И тут не только дело в мастерстве, и среди корейцев уже отличные лётчики проявлять себя стали, а в выносливости. Решили провести эксперимент, и вот уже две недели меню в столовой для лётчиков, остальных это не касалось, кардинальным образом поменялось. Результатов пока нет, так это и не быстрое дело. А командир мой, похоже, обиду затаил, злопамятный, как и я. В этот раз ничего такого я ему не принёс. Тот изучил бумаги и докладную записку, она касалась моей работы, и, подумав, поставил свою резолюцию, одоблив её.

На этом всё, вечер уже, так что я довольный направился в столовую. Причём хочу отметить, я в лётный состав официально не вхожу и обновлённое меню меня не касается, так что пищу принимаю как все. А закончив, покинул охраняемую территорию. В этой стороне трамвайных путей нет, так что возвращался я домой пешком. Добрался нормально. Помню, как калитку открыл, и всё, темнота.

Очнулся я от рокота мотора, такое впечатление, что работал тот прямо надо мной, оглушая. От вибрации и грохота я чуть снова сознание не потерял, неприятные ощущения, как будто нахожусь в камертоне, между его луками. Да и состояние было так себе. Пошевелившись, я понял, что связан. Голова серьёзно так болела. Что, мне опять по голове прилетело? Не удивлюсь, если снова рваная рана будет, ситуация вполне позволяла подобное предположить. Ни осмотр, ни шевеление ничего мне не могли дать. Осмотреться мешал мешок на голове, плотный, но при этом дышал я свободно, руки и ноги связаны. Причём профессионально, выше локтей и колен тоже. Тот, кто вязал узлы, знал, что делает.

В том, что меня похитили, сомнений не оставалось. Особа в столице я теперь довольно известная, даже на улицах узнают. Это русские или другие бледнолицые для нас корейцев на одно лицо, как, впрочем, и мы для них, а друг друга мы быстро узнаём. Фото моё в газетах недели две печатали, я ещё дважды давал интервью, но постепенно, а для меня к счастью, это тема остыла, нашлись и другие. Газеты я той много накупил – да проблема тут была с туалетной бумагой, вот и сделал запас. Однако как бы то ни было, резонанс всё же был громкий, американцы, как, впрочем, и сами южнокорейцы, требовали моей выдачи и возвращения угнанной техники. Если проще, в ответ их послали, довольно изящно и глубоко. Вроде всё подзабываться стало, а тут это. Как так-то? И ведь нашли, вычислили, дали по голове, погрузили куда-то, вывезли, загрузили в этот самолёт, а мы летели, я это чувствовал, причём швыряло нас заметно, кажется, ветер крепчал. При этом вслушиваясь в рёв двигателя, я всё никак не мог понять, на какой машине лечу. Что-то знакомое, а что, не разберу. Хотя-я... помнится, мы захватили у японцев несколько самолётов. Летали на них до износа ресурса, что-то разбили, что-то как цели использовали, часть союзникам ушло, тем же китайцам и корейцам. Я тоже полетал на разных аппаратах, на «Зеро» удавалось полетать, хорошая машина, на других самолётах, и среди трофеев была летающая двухмоторная лодка. Гидросамолёт, японцы его использовали как учебный да для патрулирования побережья. У нас его зампотылу быстро к рукам прибрал и долго для своих нужд использовал, я у него иногда штатного пилота замещал. Но я сейчас не об этом, звук мотора был схож с той лодкой, характерный, звонкий, с металлическим звоном. Понятно, что подобные моторы использовались и на других самолётах, и так точно не определишь, только у того гидросамолёта, о котором я говорю, экипаж от пяти до восьми человек, и место для такого subtilного пленника, как я, точно найдётся. По крайней мере ни головой, ни боками, ни ногами я не ощущал стенок или препятствий, как будто лежу в центре грузового отсека. Вот только тот самолёт двухмоторный был, а тут точно один звучал.

Услышав, как начал задышаться мотор, работая с перерывами, рывками, я задумался. Если один из моторов встал, то моя догадка может быть верна. Ещё беспокоили потоки ветра, что обдували тот отсек, где я лежал, хлопки странные, тишина и заметная болтанка. Самолёт явно влетает в непогоду, можно же с лётчиками и фразами обменяться, может, я бы услышал? Хотя от этого грохота мотора поди услышь что. Пошевелившись, я замер, ожидая последствий. Однако похитители никаких действий не предприняли. Плохо. Решившись, я повозился, сел и стал отползать в сторону, почти сразу нащупал борт и сел, облокотившись на него. Это единственно, что я смог сделать, ещё голова дала о себе знать тупой болью. Хорошо меня приложили. Однако при этом я снова не обнаружил какого-либо внимания к своей персоне, так что стал активно извиваться, напрягая и ослабляя мускулы, чтобы ослабить узлы и попытаться освободить хоть что-нибудь. А снаружи, похоже, совсем погода разыгралась, молнии были, вспышки даже через материю доставали, да и грохотало, заглушая рёв мотора. Единственно, что мне удалось, сильно наклонившись вперёд, уцепившись за материю на голове кончиками пальцев, больше не получалось, потихоньку стянуть мешок, он не был завязан, свободно надет. Сначала пальцы сорвались, но я уже частично снял колпак, и при повторной попытке уже крепче ухватил, материя свисала, позволяла, так что я рывком сорвал его и огляделся. Сплюнув неведомо как оказавшуюся во рту травинку, я только поморщился. Ну точно, «Аичи» и есть, тот самый гидросамолёт, модели Н9А. Вот только при вспышках молний, что били снаружи, я осмотрел пустой салон, штурвалы свободно крутились, сбоку у кормы хлопала незакрытая дверь-люк, а напротив меня была пустая ниша. Я помнил, что там обычно хранилась надувная спасательная лодка. Тут по фюзеляжу и гондоле самолёта забарабанил дождь, снаружи начался ливень.

– Твою же мать, – только и прошептал я ошарашенно.

Это ж надо в такую ситуацию попасть, врагу не пожелаешь. Хотя нет, врагу я такое как раз бы и пожелал. Мне как-то резко захотелось жить. Так что, извиваясь, я попытался встать,

но рывок самолёта снова уронил меня. Чёрт, как плохо всё. В бойнице в центре корпуса свободно торчал, покачиваясь, зенитный пулемёт, да и тот, что на носу, на месте, сиденья экипажа, радиостанция – всё присутствовало. Как бы развязаться-то? Заметив при очередной вспышке, что из другой ниши свисает ремень, я в отчаянной надежде рванул туда и, уцепившись за него, рывком дёрнул, падая с ним вместе на гофрированный пол, радуясь, что неизвестные похитители не привязали руки к торсу, что совсем бы лишило меня возможности нормально действовать. Оказалось, это был армейский вещмешок. Такие у японских солдат были. Осторожно работая пальцами – связали меня крепко, но чувствительности те не потеряли, – я открыл клапан и перевернул вещмешок, рывками вытряхивая из него всё, что есть, продовольствие меня сейчас не интересовало, а было в основном оно, но тут из бокового кармашка выпал складной перочинный ножик. Увидев его, с деревянными накладками на рукояти, я с радостью схватился и стал неловко открывать, попытался бы зубами помочь, но никак, связан так, высоко руки не подниму. Однако и пальцами смог открыть, и тут же, зажав коленями рукоятку, остриём вверх, стал перепиливать режущей кромкой верёвку у кистей рук, до локтей всё равно не добраться. Сложно было, напрягался, верёвки буквально впивались в тело, особенно на локтях, да и нож поправлять приходилось, его уводило, но смог перерезать первые петли, благо нож был остро заточен. Дальше, стряхивая верёвку, постепенно освободил их до локтей, и тут, изворачивая правую руку, попытался достать до локтя, нет, не получается. Перерезав верёвки на ногах, чтобы можно было нормально ходить, а не семенить или прыгать, задумался. От колен, если снова удерживать нож, тоже не смогу достать до локтей, я уже пробовал. Осмотревшись, я встал и открыв крышку ящика, зажал между ним и крышкой нож, причём защёлкнув замок, вроде нож заклинен, однако всё равно ходил туда-сюда как на шарнире, но при этом постепенно я смог перепилить верёвку. Срезал-таки узлы. Отлично, я свободен.

Машинально убирая сложенный ножик в карман, я рванул к штурвалу и сел в кресло, застёгивая ремни, осмотрелся. Ни черта не видно, тут ещё ливень усилился, пришлось щётки и прожектор включить, но вроде внизу, при вспышке молнии, рассмотрел высокие хмурые волны моря. Самолёт явно снижался, ладно хоть не пикировал, скорее планировал. Тем более на одном моторе, как мне помнится, сложно удержать подобную летающую лодку на одной высоте, второй нужен. Потянув штурвал на себя, я обнаружил, что тот не слушается меня, и, выругавшись, нашел автопилот, выключил его, после чего не сильно и без резких движений потянул снова на себя. Некоторое время самолёт летел на одной высоте, но потом я понял, что всё равно идёт снижение. Второй мотор так и молчал, лишь лампочки помигивали на панели, так что, найдя стартер, попытался запустить. Зачихав, мотор несколько секунд поработал, но потом замолк, однако я не оставлял попыток. Чудо, мне удалось его запустить, и я сразу потянул штурвал на себя, волны плескались совсем близко, так что я стал набирать высоту, постепенно, но море стало удаляться вниз. Осмотрев приборы я, снова тоскливо выругался – баки были почти пустые. И почему подобные проблемы наваливаются раз за разом? Ладно, будем решать их по мере поступления, всё равно топлива нигде взять, чего печалиться тогда?

Бьющие совсем рядом молнии и грохотание грома изрядно пугали меня. Добровольно я бы в такую бурю не сунулся, но делать нечего, пришлось взять на себя своё спасение. Выключив снаружи прожектор – щётки продолжали работать – и включив осветительную панель – лампа над головой загорелась, разгоняя тьму в салоне, – я рассмотрел на сиденье второго пилота планшет и, схватив его, стал изучать карту. На неё был нанесён маршрут, самолёт вылетел из окрестностей города Нампхо, что рядом с Пхеньяном, от пустынного берега, и, судя по отметке, конечная точка маршрута находилась в окрестностях... Пусана? Так и знал, южане в моём похищении замешаны. Вот только почему отсутствует экипаж и самолёт ещё летит? Проявим логику, или метод дедукции, как говорил незабвенный Шерлок Холмс. Экипаж отсутствует, нет парашютов и спасательной лодки, да ещё один мотор не работал. Судя по проложенному маршруту, тот сначала шёл в глубину Жёлтого моря, потом резкий поворот, и уже проложен

путь к Пусану. Следы после похищения заматали, это видно. Хотя и глупо, на мой взгляд, тут лететь-то пару часов, и на месте, а с этими зигзагами все семь часов, но кто я, чтобы их учить или осуждать? Вот так, если и думать методом дедукции, то выходит, что экипаж, попав во внезапный шторм, тут это обычное дело, испугался, а когда отказал один мотор, не знаю, почему, у меня он ровно работает, покинули гидросамолёт, прихватив спасательную лодку, но оставив меня. А может, наоборот, сначала засбоил и отказал мотор, и те повернули к суше, обратно к Корее, а тут сообщение по рации, надвигается страшный шторм, те поняли, на одном моторе не вытянуть, однозначно смерть, вот и решили, что в лодке на воде шансов выжить больше. Фиг его знает. Теперь разве угадаешь? Машинально проведя ладонью по голове – коротко постриженные волосы шуршали, два дня назад в парикмахерский был, – я нащупал на темечке большую шишку. Как рог вырос, но, к счастью, ран не было. Вот это радует. Ещё чесалась спина, повозившись, я достал из-под воротника несколько травинков, да и в карманы набились. Откуда они у меня?

Высота уже была километра три, поэтому поставил автопилот – топливо слишком быстро уходило, что мне не нравилось, но тут и понятно, с перегрузкой поднимаюсь, да ещё в ненастье. И мотор второй греется, пока ливень сбивает температуру, но мне не нравится, как тот стал в последние пять минут неровно работать. Похоже, и в прошлый раз его перегрели, и тот встал, или сами отключили, что тоже может быть. В общем, отстегнувшись, я закрыл наконец дверь, что продолжала хлопать, вон, воды сколько натекло, и, взяв вещмешок, стал собирать катавшиеся по полу банки, пакеты и коробки с продуктами и убирать внутрь. Не знаю, куда я лечу, компас не работает, заклинило в одном положении, сейчас ещё рацию проверю, шлемофонов нет, но есть наушники на месте радиста. Собрав всё, я повесил вещмешок на спинку пилотского кресла, а сам сел за рацию. Ну так и есть, всё пробовал, а с рациями работать я умею, и молчок, похоже, окончательно сдохла. Неприятно.

Вернувшись в кресло пилота, я отключил второй мотор, температура подходила к критической отметке, планировать и на одном можно, причём довольно долго, да и горючее меньше уходить будет. Лишний час протяну. Проверив автопилот, я вернулся в салон, включил тут свет, а то в потёмках лазил, и стал изучать, что ещё есть, может, что интересное найду, например, парашют и ещё одну лодку. Проверив пулемёт на носу, поводит его туда-сюда, это был знакомая модель «Тип 92», снаряжён. Рядом запасные коробки с лентами. Ладно, оружие есть, но непонятно, пригодится оно мне в такой ситуации или нет. Изучая все тайники команды, я нашёл свёрток, обрадовался, думал, действительно надувная лодка, но это палатка оказалась, судя по описанию, четырёхместная. Тоже японская. Из той же ниши, откуда палатку достал, вытащил ещё один вещмешок, но в этот раз это был армейский американский рюкзак, и нашивка владельца на месте. Ну как без них, везде нос свой суют, сволочи звёздно-полосатые. Нисколько не сомневался, что в экипаже были американцы, хотя бы в качестве советников, а может, вообще в полном составе их группа тут была? Не знаю, разве что гадать могу.

Быстро распотрошив рюкзак, обнаружил лишь личные вещи хозяина, четыре банки со сладкими фруктами, видимо владелец был сластёной, тут ещё и кусковый сахар имелся в нераспечатанной коробке. Кроме них, две гранаты, знакомый тип, я такой растяжку на грузовике ставил, потом пачки патронов к пистолету «Кольт», так на коробке было написано, но вот самого оружия не имелось. Флягу тут же нашёл, полную, и я жадно напился – вода, смешанная с вином, и главное, тут был нож, отличный нож, охотничий, явно качественная самоделка какого-то кузнеца, и баланс просто восхитительный. Я бы повесил его на ремень, благо у ножа были странные меховые ножны, но ремня не было, ни его, ни кастета, даже нож, что я на ноге носил, нашли и сняли, карманы пусты были. Тут я своих вещей не обнаружил. Хотя пока не весь салон осмотреть успел.

Я начал складывать находки обратно в рюкзак, нож лишь убрал в карман комбинезона, как самолёт тряхнуло, и тот стал ложиться на крыло, видимо резкий порыв ветра был. Рванув,

я успел добежать и отключить автопилот, пригнувшись через спинку, выровнял машину, после чего сел в кресло, пристегнулся и вытер пот на лбу, чувствуя, как меня бьёт озноб. Да я мокрый был, такой стресс. Ладно, хватит салон изучать, непонятно, что вообще делать. О том, что приводниться нужно, и гадать не стоит, в такой шквал и парашют не поможет, закрутит и запутает в куполе, а вот приведнение на высокие волны... Да, ни так, ни эдак, и лампочка на панели стала мигать, топливо заканчивается. Вот и всё, долетался. Минут на тридцать осталось, и мотор встанет.

Мотор ещё работал, но высота всё равно терялась, сейчас уже ниже двухкилометровой отметки, и тут я заметил, что не только в салоне светло, лампы я не выключал, но и снаружи сереть стало. Выключив подсветку, убедился, что так и есть, похоже, утро наступает. Значит, самолёт вылетел со мной на борту глубоко ночью, тогда по времени и уровню топлива всё сходится. Продолжая до предела планировать, я за полчаса опустился до трёхсот метров. Дождь уже прекратился, ещё больше посветлело, и тут я в просвете, к своей дичайшей радости, заметил сушу. Кажется, это был остров, хотя я могу и ошибиться. Видимость ни к чёрту. Ни о каком маневрировании и речи не шло, мотор чудом работал, вот-вот заглохнет, так что я с правым разворотом повернул в сторону суши, которую снова скрыла эта хмарь с начавшимся мелким дождиком, щётки так и работали. Однако и солнце поднималось выше, и ненастье отступало, но сушу я стал видеть отчётливо и, опустившись практически к волнам, заметил что-то вроде залива, но небольшого, и пошёл на посадку. С этой стороны острова было тихо, невысокая гора защищала берег от ветра, так что волны хоть и были крупными, но не такими, как в открытом океане, и есть шанс нормально приводниться. Так и оказалось, потрясло, конечно, изрядно, из двух потолочных ящиков за спиной вывалились какие-то вещи, но сбрасывая скорость и ревя мотором, гидроплан оказался в бухте и приткнулся носом к песчаному пляжу, после чего я отключил мотор и откинулся на спинку кресла, дичайшее напряжение, что держало меня всё последнее время, наконец начало отступать, и я сам не заметил, как вырубился.

Очнулся я от скрежета. Открыв глаза, увидел, что это скрипят по стеклу щётки, скрип аж передёргиваться заставлял. Я их отключить забыл, так что, дотянувшись, выключил, да и вообще обесточил воздушное судно. Встряхнувшись, я с силой размял лицо, прогоняя сонную одурь, и, расстегнув ремни, привстал и выглянул, осматриваясь через передние и боковые обзорные окна. Нос воздушного судна высоко поднялся, врезавшись в берег, хороший якорь, не снесёт, но осмотреться всё же было можно, кустарник вокруг виднелся, и никого живого, даже следов пребывания людей. Хм, интересно, где я?

Выбравшись в салон, стараясь не наступить на разбросанные вещи, я добрался до пулемёта, что прикрывал заднюю полусферу гидросамолёта, и снял его с держателя. Это непросто было сделать, инструменты требовались, и они имелись в инструментальном ящике под крышкой пола, то есть ящик был скрыт в полу. Тут их, кстати, хватало, нужно будет позже осмотреть всё, что тут имеется. Сняв пулемёт, я нашёл подсумок для него, в нём запасные ленты носить можно, и в этой сумке находились сошки, которое я сразу установил, с ними удобнее. Поставил пулемёт на сошки у входа, теперь я вооружён, есть чем отбиться в случае нужды, после чего взял флягу и напился. Жажда очень мучила. Выдул всё, что было. При этом в желудке так забурчало, что я снял вещмешок со спинки пилотского кресла и, найдя гречневую кашу с говядиной, вскрыл и стал есть вприкуску с галетами. Всю банку осилил.

С появившейся энергией я решил изучить сушу, которая, как ни крути, спасла меня, так что, открыв люк, что находился в центре гондолы, и выглянув, поморщился. Тут вода была, точно по пояс в неё ухну. Перебравшись на нос, тут над стрелком был второй люк, открыл его и, спрыгнув на песок, забрал пулемёт, я его наверху поставил, еле дотянулся, высоко. Очередная волна окатила мои ноги, намочив брючины до колен, отчего я поспешил отойти от кромки воды. Вот обуви не было, видимо потеряли мои сандалии за время транспортировки. Ещё я

пожалел, что в сумке со средствами обслуживания пулемёта и сошками не было ремня для него, повесил бы на плечо, удобно, а так в руках приходилось держать. Хотя я не в курсе, идёт ли к нему ремень в комплекте вообще, так, скорее предположил.

Берег тут был узкий, от кромки берега, куда набегали пока ещё высокие волны, видимо очнулся быстро, щётки разбудили, жаль, часов нет, чтобы со временем определиться, те, что у меня на руке были, со всем остальным моим имуществом нападающие затрофеили. Так вот, от кромки берега до даже на первый взгляд непроходимого кустарника было метров десять, видимо, когда более высокие волны бывают, они и до кустарника достают. В общем, не самое надёжное укрытие, если волны будут выше, они мне самолёт к чёрту разнесут. Нос гидроплана вылез на берега метра на полтора, остальное в воде, слышен плеск волн, что разбивались о хвост. Сама бухта формой напоминала подкову, на две трети к берегу близко подступал кустарник, а с другого берега стояли скалы, высокие. Смерив их взглядом, понял, я не такой скалолаз, чтобы рисковать, взбираясь на них.

Взвалив пулемёт на плечо, я двинул по берегу к выходу, там вроде можно осмотреться. Может быть, дальше двигаясь по берегу, я найду возможность уйти вглубь суши, подняться на ту возвышенность и осмотреться. Правда, пока бухту покидать я не планировал, кроме ножей в карманах и пулемёта с одной лентой на плече, ничего при мне не было, а перед вылазкой нужно подготовиться и припасы прихватить, благо они имелись, по примерным прикидкам на неделю хватит, если не экономить. А можно вообще не трогать, пищи под ногами хватает, я кореец, всё съем. Тем более в вещмешке американца видел пластиковый пенал, тяжёлый, думал, что ценное, и угадал, соль там была, обычная пищевая поваренная крупнозернистая соль. Кстати, вместе со флягой и ложка с вилкой были. Видимо, этот солдат с немцами воевал, трофейный прибор, с одной стороны ложка, с другой вилка. У меня тоже такая под конец войны была, из трофеев. При переезде потерял, до сих пор жаль, хорошая и качественная вещь, а тут снова такую заполучить смог, как не порадоваться? Хм, надо бы ещё палочки вырезать, привык я к ним.

А вообще, никого вокруг из живых я не заметил, имея в виду прямоходящих двуногих, зато, заметив движение, увидел небольшую змейку, знакомая порода, ядовитая, но вкусная, отошёл в сторону, поставил пулемёт на сошки, не на песок же его класть, и, срезав ножом длинную палку с рогаткой на конце, сначала сбросил змею с ветки, а потом двумя ударами убил. Тут же и разделал. Пулемёт и змею я не трогал, оставил на месте, последнюю на плоском камне, где её разделявал, и, дойдя до берега, на который накатывали волны открытого океана, осмотрелся. Да, тут можно по берегу отойти подальше и уйти вглубь суши. Возвышенность есть, поднимусь и осмотрюсь, а пока вернёмся к самолёту, нужно лагерь разбить, осмотреть трофеи на борту, что пригодится и что нет. Ценное лучше спрятать на берегу, а то если снова шквал налетит, и самолёт разобьёт, и всё, что в нём есть, потеряю. Рисковать не хотелось. Вернувшись, я собрал сухие ветки и, разведя костёр – зажигалок даже две было, одну в вещмешке нашёл, другую в ранце американца, – стал жарить змею, хорошенько её посолив. Но не перебарщивая, соль невосполнима, не хотелось бы есть пресную пищу. Да и есть не хотелось, обжарю и уберу в самолёт, это на обед и, возможно, на ужин. Прожарить хорошо нужно, чтобы до вечера мясо не испортилось. Этим и занимался, а закончив, начал тщательно осматривать салон самолёта, вынося все находки наружу, включая инструменты. Оказалось, на борту много что было ценного.

Тяжело дыша, нагруженный как тот ослик, я поднимался, подминая босыми ногами высокую траву, по склону холма на вершину, принятую мной ранее за гору, при этом не забывал глядеть под ноги, чтобы не пропороть ступни. Обуви у меня так и не было. У самолёта я провёл почти сутки. Мне потребовался полный день, чтобы прорубить найденным топориком небольшой, замаскированный листвой проход вглубь кустарника, сделать там укрытие и перенести

всё ценное. И вот, проведя ночь на борту самолёта, наутро я позавтракал ещё одной змеей, но уже нафаршированной найденными местными ягодами и травками, получилось замечательно. Тем более эти ягоды, а было два вида, да и травки я знал, всё благодаря памяти Муна. И утром отправился в путь. Время примерно часов десять дня было, когда я вышел, тут тоже посчитать нужно, и готовка завтрака и последние остаточные сборы повлияли на время выхода. Проблемой было отсутствие воды, пришлось под корнями деревьев подкапывать и набирать воду мокрой землёй, выжимая её через платок, так и попить набралось, и флягу заполнить, но не более.

Покинув бухту, я по берегу ушёл подальше и, найдя проход, стал подниматься на каменистый, поросший травой холм. Час на всё про всё у меня ушло, а поднявшись, я удивлённо осмотрелся. Ну да, это был остров, но с населением. Внизу, с другой стороны острова, виднелось селение, человек на триста, а может, и больше. На другой оконечности острова тоже светлели крыши домов, но мало, больше похоже на отдельный хутор. Там, кстати, и возделанные поля виднелись квадратами, блестели водой чеки рисовых полей, хотя вроде в паре мест имелись другие посадки. Может, пшеница, может, ещё что, отсюда не видно, но не рис точно.

Сев на траву, сложил рядом ношу, особенно этот тяжёлый пулемёт, что на шее уже наверняка мозоль натёр, и стал изучать как селение, так и довольно приличного размера бухту. Для крупных морских судов она, конечно, маловата, что доказывал сухогруз, выброшенный на берег, там сейчас часть населения помогает команде. Правда, что делает, непонятно, вроде разгружает, кажется, с мешками бегают. Ну вот, что в самолёте оптики не было? Как бы она сейчас пригодилась! В такие моменты и вспоминаешь про трофейный бинокль, что лежал в шкафу у меня дома среди других вещей. Ещё в бухте на берегу было вытащено с десятков рыбацких лодок и пара крупных баркасов, может быть даже моторных. Да точно моторных, мачт-то, в отличие от лодок, нет. Также в бухте стояла небольшая, но ладненькая морская яхта, а на флагштоке трепыхался такой знакомый флаг. Тот самый, звёздно-полосатый. А селение японское, точно скажу. Интересно, где я сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.